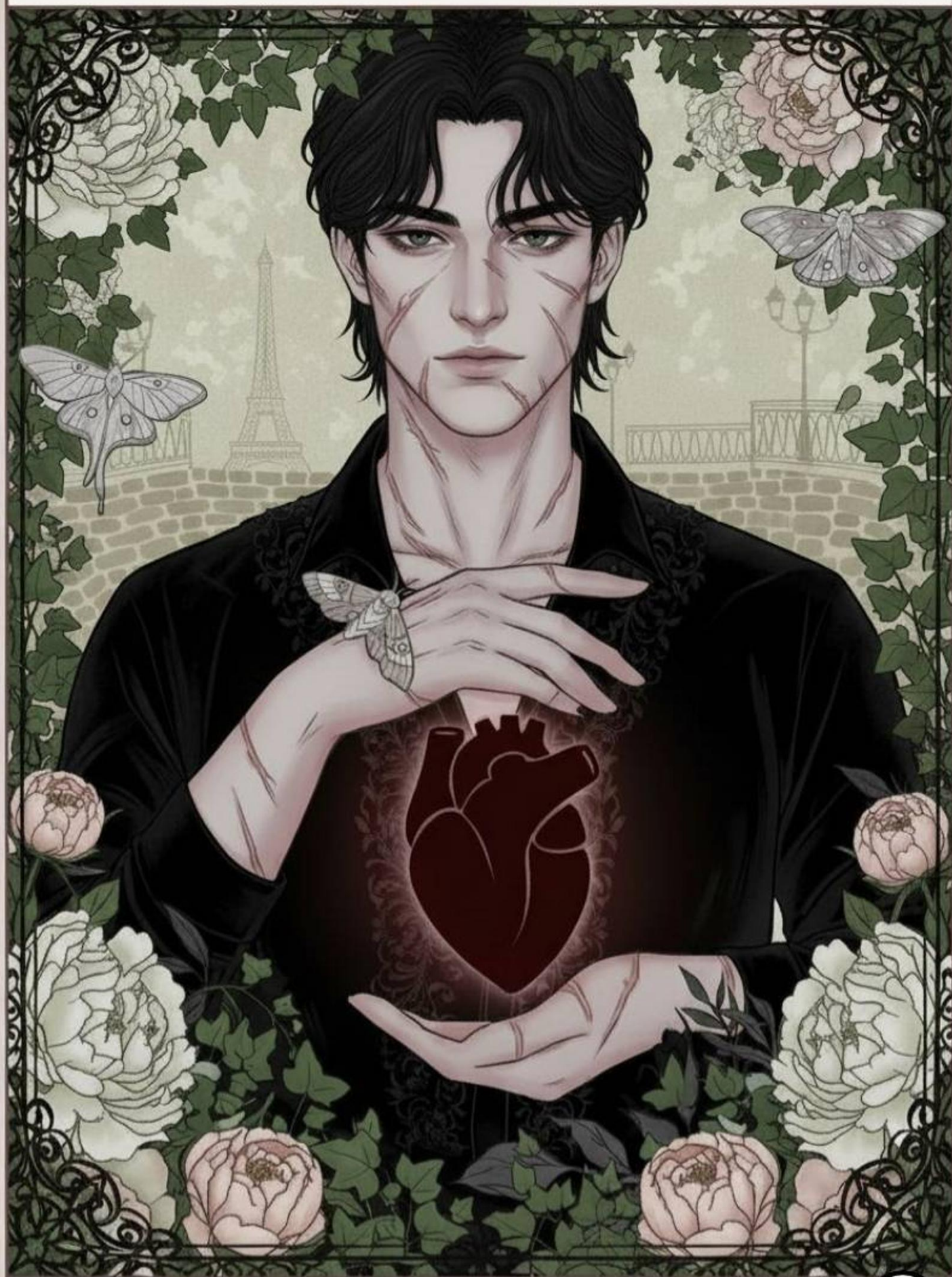

АЛИСА ДЖУКИЧ

СЕРДЦЕ ПУСТОТЫ

18+

Алиса Джукич
Сердце пустоты

«Автор»

2026

Джукич А.

Сердце пустоты / А. Джукич — «Автор», 2026

Аннотация: Альма Белроуз, выросшая из робкой девочки в талантливого флориста, думала, что навсегда оставила прошлое в стенах мрачного особняка Дюбуа. Но письмо от погибшей хозяйки поместья и холодное предложение загадочного Эрика – замкнутого владельца винной империи и язвительного красавца со шрамами, заставляют девушку вернуться. Задача Альмы – воскресить сад. Настоящая цель Эрика Дюбуа – выяснить у девушки, кто много лет назад убил его родителей. Каждый шаг в особняке напоминает Альме о ее вине, а каждый взгляд Эрика будит забытые чувства. Но пока они ищут правду в прошлом, в их настоящее входит тень нового врага, готового на все, чтобы заполнить состояние Дюбуа. Цена сада, который должен расцвести, может оказаться слишком высокой – жизнь и любовь того, кто стал для Альмы всем.

© Джукич А., 2026

© Автор, 2026

Алиса Джукич

Сердце пустоты

Их связывала детская дружба. Их разлучила кровавая тайна. Теперь их соединит запретная любовь.

Аннотация:

Альма Белроуз, выросшая из робкой девочки в талантливого флориста, думала, что навсегда оставила прошлое в стенах мрачного особняка Дюбуа. Но письмо от погибшей хозяйки поместья и холодное предложение загадочного Эрика – замкнутого владельца винной империи и язвительного красавца со шрамами, заставляют девушку вернуться. Задача Альмы – воскресить сад. Настоящая цель Эрика Дюбуа – выяснить у девушки, кто много лет назад убил его родителей.

Каждый шаг в особняке напоминает Альме о ее вине, а каждый взгляд Эрика будит забытые чувства. Но пока они ищут правду в прошлом, в их настоящее входит тень нового врага, готового на все, чтобы заполучить состояние Дюбуа. Цена сада, который должен расцвести, может оказаться слишком высокой – жизнь и любовь того, кто стал для Альмы всем.

Глава 1

Хозяин руин

Призрак

Альма Белроуз пахла травой после дождя и жасмином. Ее цветочный магазинчик в центре Парижа был точным отражением хозяйки – яркий, благоухающий, всей душой тянувшийся к солнцу. Но мало кто знал, через какие бури ей пришлось пройти, чтобы наконец расцвести.

Нас связывало непростое прошлое. И вот теперь, опасаясь за последнее, что осталось от матери – увядающий с каждым днем сад, я решил напомнить девушке о мрачных тайнах, которые десятилетиями копили наши семьи.

У прозрачной витрины с оливковыми рамами и фонариками как всегда толпились зеваки, разглядывающие причудливые растения, а внутри Альма собирала букеты, поглаживая лепестки анемонов так бережно, словно те были хрупкими крыльями бабочек. Она пританцовывала под музыку, которая звучала лишь в ее голове, а собранные в небрежный хвост рыжие волосы раскачивались в такт этим невидимым мелодиям.

Наверное, Альма была красива. Возможно, я даже смог бы влюбиться в ее стройное тело, усыпанное веснушками, в округлые линии груди и бедер. Но больше всего цепляли глаза девушки. Огромные, цвета летних лугов, залитых ярким полуденным солнцем. Те самые малахиты, которые я запомнил из далекого детства. Но, увы, как и все парижане, она меня сторожила.

Фамилия Дюбуа давала ряд преимуществ, но на всех ее носителей ложилась тень прошлого. Из когда-то самой богатой и влиятельной семьи Парижа в живых остался только я. И лишь Альма хранила в памяти ключ – правду, способную раскрыть убийство Марии и Константина Дюбуа, прогремевшее на всю Францию шестнадцать лет назад.

Поэтому я здесь, у цветочного магазина Белроуз. Чтобы во всем разобраться и спасти не только сад матери, но и вернуть покой себе и ее душе, застрявшей в стенах особняка.

Поначалу я не верил служащим. После гибели родителей долго жил у тетки в провинциальном Ренне. Но возвращение в Париж, необходимость лично управлять винной корпорацией Дюбуа – все это заставило меня снова переступить порог родового поместья. И я лично убедился в мистике происходящего.

По ночам в особняке выл ветер, словно загнанный в угол зверь, с грохотом хлопали двери, а люстры начинали произвольно дребезжать, распугивая застоялую тишину. Бывало, из гостиной доносился звук, похожий на тихий, надрывный плач, разрывающий мою душу на части. Каждое утро я просыпался изможденным и сам постепенно становился похож на молчаливого и озлобленного на мир полтергейста.

Альма оставалась единственной, кто мог вытащить меня из личного ада. Ведь только ей было под силу воскресить сад особняка «Фантом» и восстановить справедливость, похороненную в нем годы назад. По крайней мере так меня уверяла в оставленном письме покойная матушка.

Но согласится ли Белроуз вернуться туда, где когда-то зародились ее беды? Сможет ли заглянуть в изуродованное лицо мужчине, по чьей вине ее собственная жизнь оказалась на грани, и не отвернется ли, увидев в моих глазах отражение давно забытого ужаса?

Я обошел толпу, расстегивая длинный плащ. Весеннее солнце припекало, освещая невысокие бежевые фасады зданий. Стоило мне попасть в поле зрения людей, как они тут же начали расступаться, привычно пялиться и судачить.

К подобному «приветствию» я давно привык. Лишь немногие умели тактично игнорировать мои увечья – старые плотные рубцы от разбившегося стекла, украшающие левую часть моего когда-то совершенного лица. Но вот загорающуюся в их глазах осторожность перед моей личностью игнорировать не получалось.

Конечно, имея за спиной целое состояние, я мог давно сгладить уродство. В двадцать первом веке пластическая хирургия шагнула далеко вперед. Но я не хотел прощаться с напоминанием о ночи, унесшей жизни моих родителей. Да и наркоз пагубно бы повлиял на мои хм... дополнительные проблемы.

Незнакомцы расступились. Среди ярко разодетых парижан, радующихся наступлению весны, я выделялся черным пятном, предпочитая практичные и темные цвета.

– Это же Эрик Дюбуа, – прошептал кто-то в толпе. Старушка в шляпе-клоше испуганно спрятала за спину твякующую пушистую собачонку, напоминающую белый шар.

Меня узнавали не только как наследника многомиллионного бизнеса, но и как «мальчика, который выжил». И это не про Гарри Поттера. Подобное заставляло людей либо сторониться меня из-за глупых предрассудков и домыслов, либо восхищаться.

Даже не удостоив покупателей Альмы взглядом, я гордо прошествовал к двери магазинчика под красным навесом и толкнул ее рукой. Противное дребезжание колокольчика произошло по нервам. Я не видел Альму шестнадцать лет, так что пришлось передернуть плечами, чтобы сбросить напряжение, прежде чем вступить в обитель растений.

Девушка стояла ко мне спиной у прилавка. Встав на пластиковый табурет, она доставала с верхней полки витрины розовые ленточки, чтобы перевязать собранный букет.

В уютном магазинчике находилось трое покупателей, и все они, словно по щелчку пальца, принялись листать ленту в телефоне, чтобы не пересекаться со мной взглядом.

– Могу предложить добавить в букет пионы или гортензии, тогда он станет пышнее, – посоветовала Альма, прыгивая с табуретки. Девушка резко развернулась, увидев меня возле цветущего фикуса. Ее алые губы приоткрылись от удивления, а нежная кожа лица потеряла здоровые тона. Пухлая блондинка, для которой собирали букет благоразумно отодвинулась от прилавка, пропуская меня вперед.

Альма быстро заморгала, трепеща длинными ресницами, словно прогоняла наваждение или непрошенное видение, но я настойчиво не исчезал, высасывая своим присутствием воздух из ее легких.

Чертов дементор!

– Эрик... – на свистящем выдохе прошептала она и вытерла испачканные блестками ладони о фартук. Ее тонкий, детский голос за годы изменился, став глубже и мелодичнее.

В голову непрошеной кутерьмой ворвались старые воспоминания: как Альма, примостившись на краешке дивана, тихо подпевала, когда я на всю комнату стучал по барабанам. Ее девичий голосок словно ниточка вплетался в грохот тарелок и гул бас-бочки. Она не пыталась перекрыть создаваемую мной музыку, Альма всегда была ее частью, тем тихим центром в самой гуще моего шумного мира.

– Доброе утро, мадмуазель Белроуз, – по-светски поздоровался я и подошел вплотную. Нас разделял лишь деревянный прилавок и ужас, застывший в каждой ее черте.

– Вам... вам собрать букет? – заикаясь, спросила девушка и, порывисто поправив выбившиеся из хвоста непослушные пряди, попыталась выдавить из себя подобие улыбки. Ее точно сконфузило.

Я не стал утруждаться лицемерием и долгим вступлением перед основной причиной моего внезапного появления в размеренной жизни Альмы. Порывшись в кармане плаща, я с сотрясающим пространство хлопком положил на прилавок запечатанный конверт.

– Если только из гладиолусов, – сухо бросил на прощание. Решив больше не мозолить шокированной Альме глаза, я развернулся на пятках и покинул этот светлый во всех смыслах магазинчик с кружащим голову ароматом цветов.

Глава 2

Письмо из прошлого

Роза

Эрик исчез также внезапно, как и появился. Дверь за ним захлопнулась с необычайно громким звуком, выводя меня из одолевшего ступора. Но перед глазами все еще калейдоскопом сменялись картинки из детства: мы с ним играем под палящим солнцем во дворе старого особняка, он дует мне на разбитую коленку и заботливо мажет ссадину зеленкой, я засыпаю под звуки его любимой сказки, а потом тьма, выстрел, и я в одночасье лишаясь гравитации...

Тряхнув головой, я привела хаотично разметавшиеся мысли в порядок. Внимание привлёк оставленный Эриком «подарок». Как ягоды белладонны, пожелтевший конверт излучал ауру смерти и манил прикоснуться к нему. Я было потянула к письму руку...

– Мне ждать свой заказ или нет? Между прочим, я за него заплатила. – Подбоченившись, вернулась к прилавку полненькая блондинка с багетом подмышкой, оборвав мой порыв.

– Извините, конечно. Одну минутку. – Одернув себя за растерянность, я перевязала стельки лентой и сделала идеальный бант. С отрететированной учтивой гримасой продавца я передала букет возмущенной заминкой клиентке, но она лишь хмыкнула в ответ на любезность, забирая цветы.

Когда блондинка ушла, из подсобки выпорхнула моя сменщица и по совместительству лучшая подруга – Натали. Горбясь, она несла к прилавку коробку с блестящей фольгой и насосом для шариков. Заметив мое озадаченное состояние и трясущиеся руки, она уточнила:

– Выглядишь так, будто призрака увидела.

– Ага, точнее не описать, – не стала увливать я.

– Неужели Эрик Дюбуа объявился? Неожиданно... – подруга грузно поставила коробку под прилавок и, выпрямившись, изогнула светлую бровь.

Мы дружили со времен приюта, когда обе в девять лет остались сиротами. Родители Натали разбились в автокатастрофе, а мои... Мама умерла от затяжной болезни, едва мне исполнился годик, а про отца я старалась не вспоминать, на то в моем прошлом были весьма веские причины. Натали вскользь знала о произошедшем в особняке Дюбуа и моем участии в трагедии. Я годами тщетно пыталась выкинуть из головы ту роковую ночь, поэтому мало кого посвящала в подробности, чтобы самой на них меньше заикливаться и учиться жить дальше.

Однако подруге были известны мои опасения на счет Эрика, и то, что многие годы я словно одержимая – постоянно ждала его возвращения.

– Как снег на голову... – буркнула я под нос. Хлопнув в ладоши, привлекла к себе недоумевающие взгляды посетителей и очень вежливо попросила их покинуть магазин. Пришлось объяснить несвоевременное закрытие тем, что я словила недомогание, а Натали занимается инвентаризацией.

Люди заворчали, но не стали перечить. Наверное, на моем резко побледневшем лице и так было все написано. Когда последний покупатель покинул магазинчик, я подошла к окнам и нажала кнопку автоматического опускания жалюзи, создав к комнате полумрак.

Натали наблюдала за происходящим молча, ковыряясь в коробках с украшениями.

Вернувшись к прилавку, я дрожащей рукой забрала с него конверт и прошествовала к стоящему в углу креслу. Тяжело осев на темно-зеленые бархатные подушки, на мгновение прикрыла глаза. Над ухом успокаивающе запела канарейка Грета, раскачиваясь на жердочке в клетке.

– И для чего сюда занесло мистера-загадочность? – Мои веки нехотя распахнулись, возвращая к насущным проблемам. Натали села на прилавок и прокрутила кончик белокурой косы. Ее голубые глаза испытующе прищурились в ожидании объяснений.

– Не знаю. Но, полагаю, ответы внутри, – я помахала конвертом, словно веером, обдувая горящие от адреналина щеки. – Понимаешь, все это очень странно. Эрик Дюбуа... – голос дрогнул на имени, которое я давно не произносила. – В общем, я убеждена, что он, мягко говоря, меня недолюбливает. И вот он заявляется сюда в разгар рабочего дня спустя столько лет.

– Ой, хватит нагонять паранойю! Сомневаюсь, что Дюбуа принес тебе приглашение на смертельную дуэль, – Натали поправила съехавшую с плеча ляжку рабочего фартука.

Я пристально взгляделась в конверт, будто могла видеть его насквозь

– Аля, письмо тебе не съест! – Пока я сомневалась, подруга спрыгнула вниз и ринулась ко мне, выхватывая послание. Натали возвышалась надо мной на целых две головы, и пока я вставала с кресла, она вскинула вверх руку, не позволяя мне добраться до конверта.

– Эй, отдай! – возмутилась я до глубины души, но подруга уже зашла за прилавок, оттолкнув меня бедром. Пока я прыгала вокруг нее, как собачонка, Натали разломила восковую печать с гербом Дюбуа – меч, оплетенный виноградной лозой.

Зашелестела бумага, я вновь попыталась отобрать у подруги конверт, но она вовремя увернулась и развернула письмо.

Я обошла ее сбоку, заметив, как зрачки подруги затопили черным океаном радужку.

– Какого черта!?! – выругалась Натали и застыла. Ловко крутанувшись, я умудрилась вырвать из ее рук конверт и вернуть себе послание.

Взор упал на изогнутый почерк на листе. Колени подогнулись, и если бы я вовремя не схватилась за край прилавка, то рухнула бы на пол. Обращенное ко мне письмо заканчивалось подписью женщины, на могилу которой я каждый год носила цветы.

Альме Белроуз,

Когда-нибудь ты прочтешь это письмо и несомненно удивишься, как точно я угадала твое будущее. Держу пари, ты работаешь ботаником или открыла свой магазинчик флористики.

Сейчас тебе пять лет, и ты без ума от моего сада. Ты часами напролет проводишь время со мной, изучая растения. Еще ни у одного ребенка я не видела столь сильной тяги к цветам и прыткого ума.

Надеюсь, сбылись все твои мечты, и ты выросла настоящей красавицей! Однако, если ты держишь в руках данное послание, то я не смогла воочию увидеть твои победы. Над нашей семьей нависла угроза, не знаю справится ли Константин...

Я оставляла письмо у Эрика в комнате, прежде чем навсегда уйти из его жизни с просьбой не открывать его до твоего двадцатилетия. Знаю, что мое время вот-вот закончится. Но я верю, что вы всегда будете так же близки как в детстве, и когда ты вырастешь, то мой сад перейдет к тебе.

Только ты, rose, способна дарить моим цветам ту же любовь и заботу, справляясь с тайнами хм...растительного мира. Хочется верить, что местные садовники за эти годы его не погубили. Ведь растения как люди, они чувствуют и слышат... А я знаю, что ты нужна моей семье и особняку «Фантом».

*С любовью,
Мария Дюбуа*

На глаза навернулись слезы, размывая контур написанного. Вспомнился стан высокой черноволосой женщины в роскошных брендовых костюмах, за которой всегда тянулся шлейф фужерных духов. Ее нежный голос, убаюкивающий меня перед сном.

Проморгавшись, я опустила взгляд ниже, зацепившись за более острый почерк, занимающий самый низ страницы.

Мамин сад умирает...

Ты знаешь дорогу. Меня не бывает в особняке с девяти утра до пяти вечера, так что я не помешаю твоей работе и жалованием не обижу. Сможешь расширить свой магазин или открыть еще несколько точек. Если тебя не интересуют финансы, то помоги восстановить сад хотя бы в память о Марии.

Код от замка 3:7

Эрик Дюбуа

– Хочешь, я поеду с тобой? – спросила на следующее утро Натали, стоя на пороге нашей съемной квартиры в полосатой пижаме. Цветочный бизнес приносил неплохие деньги, но большая их часть уходила на оплату аренды помещения в центре столицы, закупку самих растений и декоративных элементов. Поэтому мы ютились в ничем не примечательной двухкомнатной квартире на западе Парижа. Вру, было одно очень даже весомое преимущество нашего жилья – отменный вид на парк с небольшим озером, поблизости которого гнездились черные лебеди.

– Нет. Твоя задача следить за магазином, принимать онлайн-заказы и не упускать постоянных клиентов, пока я занимаюсь реанимацией сада Дюбуа. – Я накинула на плечо ремень от спортивной сумки, доверху набитой садовыми принадлежностями: резиновыми перчатками, грабельками и удобрениями на все случаи жизни.

Под высокими ботинками скрипнула половица, когда я, попрощавшись с Натали, развернулась к лестнице. Однако, выйдя на улицу, пожалела, что не прихватила с собой куртку. Весна в Париже часто становилась причиной затяжных простуд: солнце согревало, но растрепавший мои рыжие кудри ветер с Сены пробирал до костей.

Пришлось заглянуть в боковое зеркало припаркованной возле дома машины, чтобы заплести косу и полюбоваться своим новеньким джинсовым комбинезоном и зеленой водолазкой под горло. К концу трудного дня вещам придет конец, их испачкают пятна от земли и сок растений, но почему-то ехать в особняк Дюбуа в обычной невзрачной рабочей форме не хотелось.

Всю ночь я размышляла над тем, как стоит поступить. Отказаться и навсегда проститься с возможностью помириться с Эриком Дюбуа или ответить добром на тепло Марии, вместо матери растившей меня несколько лет.

Свою родную мать, Маргарет, я помнила лишь по выцветавшим фотографиям из личного дела в приюте. Едва научившись ходить, я уже оказалась в семье Дюбуа – отец устроился туда поваром. Так что «Фантом» стал моим домом практически с пеленок, и именно поэтому я не могла отказать Марии в ее последней просьбе – сохранить сад.

Вытащив из кармана телефон, я вызвала такси в приложении, отметив конечной точкой адрес моих прошлых кошмаров.

По пути к поместью Дюбуа погода окончательно испортилась. Таксист с пышными седыми усами то и дело поглядывал на затянувшееся серыми тучами небо через лобовое стекло и причитал, а я мысленно выстраивала план по работе в саду.

Когда мы съехали с асфальтированной дорожки на более узкую, ведущую в хвойный лес, меня качнуло вперед, и желудок сжался. Даже не смотря в окно, я знала, что вот-вот перед нами вырастит решетчатый забор с золотыми пиками, за которым прятался небезызвестный особняк из темного кирпича в стиле георгианских строений.

– Мадмуазель, вы не боитесь? Мало кто навевается в эти злополучные места по собственной воле. Обычно в особняк приезжают только редкие служащие, да и сам хозяин, – попытался завязать разговор таксист и вильнул вправо.

– Я тоже здесь по работе. И вы говорите про жуткие слухи, витающие вокруг семьи Дюбуа?

Таксист закивал, коричневый берет слез ему на высокий лоб.

– Вранье это все, – я скрестила руки на груди, словно защищалась от отголосков прошлого. – Парижане любят навешивать ярлыки на публичных людей для собственного развлечения и приукрашивать слухи.

– Ну как же, мадмуазель... Мария и Константин – демоны не иначе! Только исчадия ада могли породить того, кто живет с осколком стекла в сердце!

У меня зашевелились волосы на затылке.

За многие годы отсутствия Эрика в столице, что только о нем не надумывали и какие абсурдные сплетни не распускали. Однажды я самолично слышала от пожилой покупательницы, что Дюбуа продал душу дьяволу. Якобы девятилетний мальчонка, только что вышедший из комы, приехал на страшный ритуал в Верхние Пиренеи, чтобы поддержать в ослабленном теле жизнь и отомстить обидчикам. И ее сестра – Моника лично проводила обряд.

Совсем спятили!

– Люди любят красивые страшные сказки. Им проще поверить, что Дюбуа – монстры, чем признать простую истину: иногда жизнь причиняет боль и никакие демоны для этого не нужны, – бросила я таксисту.

Старенькое Рено остановилось у ворот, и я мигом вылетела из машины, даже не попрощавшись с недалёковидным мужчиной.

Выдумки, это все выдумки! – мысленно убеждала я себя.

Таксист быстро уехал, обидевшись на мою прямолинейность. Я осталась стоять у ворот в одиночестве и крепко прижимать к себе спортивную сумку, как щит. На меня, точно клыкастая пасть хищника, смотрело старое поместье – ступи на его территорию, и оно тебя проглотит, поэтому я не спешила набирать код на замке ворот.

Однако я уже решила помочь Марии и деваться с «подводной лодки» было некуда, потому я одновременно зажала семерку и тройку. Первые долгие секунды ничего не происходило, но потом красная кнопка на кодовом замке загорелась зеленым, и створки с протяжным скрипом отворились.

Я все же замялась. Мне не хватало духа войти туда, где словно сгущалась тьма, обволакивая земли поместья мрачной тяжелой аурой. Но и глупо стоять на входе, выказывая страх перед домом, тоже не хотелось. Собрав в кулак последние крупницы разбившейся о скалы прошлого храбрости, я с замиранием сердца толкнула ворота и шагнула на огромную территорию.

Внутри все перевернулось.

Трехэтажный особняк с овальными окнами и обсидиановыми колоннами, подпирающими винтажные балкончики, я преднамеренно обошла стороной, побоявшись, что если долго задержу взгляд на доме, то непременно сбегу.

Мошенная камнем дорожка вела меня мимо неработающего круглого фонтана, петляя вдоль кованных лавочек и мангала, пока не закончила свой путь у аркообразной калитки с завитками в форме позолоченных цветов.

В носу вдруг защипало от подступающих рыданий. Все, что я помнила о когда-то величественно-прекрасном саде Марии Дюбуа, навсегда умерло: цветущие весной деревья сейчас напоминали высушенные руки мертвецов, тянущиеся к небу, клумбы поросли сорняками, чайные розы, украшающие невысокий забор вдоль сада, почернели и осыпались, а воздух, некогда благоухающий пионами и жасмином, теперь пропитался пылью и тлением.

– Боже мой! – вырвалось из меня, когда я, открыв калитку, вступила в этот лабиринт запустения. Каждый высохший стебель словно впивался в меня невидимыми шипами. Я чувствовала их боль, слышала тихий, протяжный стон растений, идущий из самой глубины земли.

Дойдя до середины сада, где притаилась еще одна изогнутая скамья, я опустилась на колени и закатала рукава водолазки до локтей. Пальцы зарылись в сухую землю, точно пытались нащупать проблему, поставить диагноз умирающим растениям.

Сколько я так просидела, вслушиваясь в мертвую тишину удаленного от города поместья, неизвестно. Но стоило шоку отпустить, как я принялась доставать из сумки стеклянные колбы и лопатку, чтобы взять образцы почвы и растений.

За работой время вовсе перестало ощущаться, и я сумела полностью абстрагироваться от происходящего вокруг.

Закончив с почвой у кустарников, углубилась в бывшую розовую аллею, и тут мой взор зацепился за единственное живое пятно в этом царстве смерти. У подножия элегантной, выполненной из тонких прутьев железа беседки, почти скрытой увядшими побегами, благоухал идеально сформированный бутон алой розы. Он был неестественно ярок, будто выточен из рубина и орошен кровью. Ни единого темного пятнышка на лепестках, ни намек на увядание и гибель.

Сердце заколотилось в груди уже по-другому, не от страха, а от предвкушения решения проблемы. Я вновь опустилась на колени и потянулась к блестящему от росы цветку, и в тот миг, когда пальцы коснулись бархатистого бутона, по спине пробежал мокрый холод.

Осознание пришло с запозданием. Видимо, я настолько погрязла в работе и раздумьях, что не заметила, как по мне стекала вода, а спертый воздух больше не удушал. Обрушившийся бриллиантами на округу дождь прибил пыль, освободив от нее легкие.

Я заморгала, чтобы смахнуть с ресниц капли воды, так как руки были испачканы землей. Пока возвращалась в реальность, с надеждой взирая на выживший в саду цветок, рядом со мной послышались тяжелые шаги.

Минута, и заливающий меня дождь прекратился. Я вскинула голову и попала в пучину карих глаз.

Эрик Дюбуа, одетый в темное, практически черное пальто, нависал надо мной с раскрытым зонтом. Свободной рукой он стянул с себя верхнюю одежду и накинул пальто на мои подрагивающие плечи.

– Вы точно не демон? – Видимо потрясение отключило часть мозга, отвечающую за дедукцию и адекватность. По-другому я не могла объяснить, с чего вдруг интерпретировала нелепые догадки таксиста и слухи парижан в еще более бредовый вопрос.

Тихий смешок Эрика поглотил шум разбивающихся о зонт капель.

– Нет, хотя я люблю стейки с кровью. – Внезапно Дюбуа посерьезнел, не позволяя сморозить очередную глупость. – Добро пожаловать в мой мавзолей, мадмуазель Белроуз.

Глава 3

Ловушка

Призрак

Альма будто престала дышать, уставившись на меня во все глаза. Как я и обещал девушке, я вернулся из офиса компании ровно в пять, подтверждая свою выработанную с пеленок пунктуальность.

Вероника – невысокая пожилая женщина с густыми седыми волосами, работающая в «Фантоме» горничной уже более десяти лет, с порога набросилась на меня с возмущениями о том, что я не предупредил ее о госте.

– Разве мадмуазель Белроуз еще не уехала? – удивленно спросил я пяти минутами ранее и с щелчком закрыл зонт, стряхивая с него капли. Дождь безудержно барабанил по навесу над крыльцом.

– Нет. Уже минут сорок под ливнем в саду возится, – объявила горничная, перекрыв собой проход в дом. Вероника почесала затылок, не понимая, что именно заставляло незнакомую девушку не покладая рук работать в такую непогоду.

– Приготовь теплую одежду и завари травяной чай, – скомандовал я. Горничная недовольно нахмурила высокий лоб, поэтому пришлось добавить: – Пожалуйста.

Вероника что-то буркнула мне в спину, но я не расслышал ее старческое ворчание из-за шума ливня и спустился с крыльца, снова раскрыв зонт.

Альму я нашел в аллее сада, глубоко погруженную в собственные мысли. Она нежно касалась кончиками пальцев лепестков живой розы, когда я спрятал ее под зонтом.

– Простите, я уже собиралась уезжать... – После странного вопроса «о демоне» смущенно выпалила Альма. Меня совсем не удивило, что и до Белроуз дошли вздорные доводы горожан, но верила ли она им?

Пока я рассуждал, девушка внезапно подорвалась с колен. Мы оказались болезненно близко друг к другу. Ее джинсовый комбинезон напоминал грязную вымокшую тряпку, а под ногтями девушки черным скопилась земля. Заметив, что я надменно разглядываю ее руки, она рывком завела их за спину и задрожала.

От холода или смущения? А может от всего сразу.

– Только забери спортивную сумку. К слову, я взяла пробы почвы в самых загубленных участках сада, если удастся завтра с утра отвезти колбы в лабораторию университета естествознания, то это положит начало всего восстановительного процесса. Виной поголовного увядания растений могут служить редкие ядовитые сорняки, или вредители, а может... – Признаюсь, дальше я не слушал, сосредоточившись на пухлых, подрагивающих от холода губах девушки. Альма говорила без умолку, точно боялась, что, если остановится, я начну задавать вопросы, а может таким образом старалась разрядить повисшее между нами в воздухе напряжение после стольких лет привычного игнорирования.

Чем пристальнее я смотрел, тем сильнее румянились ее щеки, а размазанная под глазами тушь и общий вымокший вид вызвали желание крепко обнять Альму, спрятав ее от всего мира. Как было всегда...

Резко оборвал свои мысли, пока они не зашли слишком далеко.

– Боюсь, не получится, – остановил я льющийся из девушки словарный поток.

– Что не получится? – озадаченно уточнила Альма. Она шагнула назад, но ее тут же окропил дождь, и Белроуз вернулась под зонт. От натиска стихии растения вокруг нас наклонялись к земле, а сухие ветки деревьев с протяжным стоном ломались. Альма сожалеюще посмотрела

на розу, и пока я не начал объясняться, развернулась и нагнулась к цветку, вновь подставляясь под обрушающиеся с неба капли.

Она вытащила из кармана целлофановый пакет и натянула его между соседствующими с розой мертвыми стебельками петунии, соорудив для нежного цветка подобие зонта.

Умилило ли меня это зрелище? Не знаю.

Мое сердце давно зачерствело, свыкнувшись с тем, что я не достоин любви и все, кто выкажет мне подобное чувство, будут рано или поздно разбиты горем.

Мне пришлось встать к Белроуз вплотную и наклонить собственный зонт, чтобы хоть как-то защитить девушку от непогоды.

Через минуту Альма выпрямилась и вдруг странно воззрилась на меня. Ее взгляд скользнул по моей белой рубашке, задержавшись на шраме, уходящем под воротник. Я сделал вид, что не заметил ее дрогнувшего горла, и больше не стал тянуть с разъяснением:

– Уехать сегодня. Подъездную дорогу к особняку размывает от сильного дождя, требуется время, чтобы машины не буксовали в грязи. Мне пришлось оставить свой Порш на съезде с асфальтированной дороги и идти сюда пешком. – Подбородком я указал на свои ботинки и брюки, к которым налипла грязь. – Боюсь, вам подобный подвиг в одиночку не повторить, придется идти через лес, тем более уже смеркается.

– Но вы могли бы одолжить мне зонт и проводить...

Я вскинул руку, прерывая ее.

– В такую погоду такси за пределами Парижа придется ждать часами. Вам безопаснее переночевать в особняке. – Мой голос странно шелестел от напряжения, точно ветер в сухих кустарниках. Я одновременно желал загнать девушку в ловушку, напомнить об убийстве, растормошить ее, побудить раскрыть тайну смерти родителей и опасался остаться с Альмой под одной крышей. Ведь она могла узнать правду обо мне – увидеть меня жалким и сломанным.

– Я не вернусь в особняк, – твердо заявила Белроуз и отвернулась, кутаясь в мое пальто.

– Понимаю. Я тоже долго не мог переступить порог дома, где когда-то был счастлив. – Альма заинтересованно взглянула на меня через плечо. – Но страхи порождают не только темные воспоминания, иногда они взывают к возможности понять, что именно закалило нас. Они как боль – указывают на еще не зажившую рану, которая требует лечения.

Альма шмыгнула носом и слишком резко ко мне развернулась. Если бы не приличная разница в росте, наши губы непременно бы встретились, а так Белроуз лишь приложила лбом о мою грудь.

– Ау, – простионала она, потирая место ушиба, а я застыл, как вкопанный от этого будоражившего нервы звука. Была ли причиной моего острого восприятия девушки давняя тайна или тот факт, что я слишком долго не выпускал ее из головы, размышляя, как сильно она изменилась со временем.

Вернув самообладание глубоким вдохом, понял, что не смогу отпустить ее сегодня. Уж слишком сильно эта растрепанная девушка меня интриговала. А как давно я мечтал банально поговорить с Белроуз, но мы оба выросли слишком упертыми, слишком ранимыми...

Однако Мышонок должен был попасть в мышеловку.

– Ладно, найду с козырей. У меня есть имбирное печенье и заварные эклеры, ты ведь их еще любишь?

Наградой за мой переломленный угрюмый нрав стала легкая улыбка Альмы.

– Просто не смотри туда, – посоветовал я Белроуз, оставляя сложенный зонт на пуфе возле входной двери.

Альма заламывала пальцы и не моргая вглядывалась в темноту коридора, ведущего к гостиной.

С тех самых пор в особняке мало что поменялось: все тот же темный паркет, скрипящий под ногами, тяжелые портьеры цвета вина, поглощающие дневной свет, раздвоенная лестница, устеленная мягчайшим ковром, дорогая мебель с золотыми ножками и застывшее в этих обшитых деревянными панелями стенах время.

Альма перевела взгляд на пылящуюся возле входа на кухню кривую фарфоровую вазу с орнаментом летящих птиц и вздрогнула. В детстве она случайно ударила в нее мячом, разбив сие творение искусства на осколки. Она так горько плакала, что мне пришлось взять у отца в кабинете клей и собственноручно склеить вазу, пока родители не вернулись из магазинов. Получилось ужасно. Конечно, мать сразу заметила нашу «шалость», но акцентировать внимание на ней не стала, ведь мы не замечали следы, а пытались все исправить.

Отличная жизненная установка, но в реальности все выходит иначе...

Робко сняв мое пальто, Белроуз повесила его на рогатую вешалку, точно все еще сомневалась в правильности решения переночевать в особняке. Пока я избавлялся от грязной обуви, Альма защитно обхватила себя руками. Спасая от необходимости что-то говорить, в холле появилась взбурдаженная Вероника и сразу перешла к делу:

– Мадмуазель Белроуз, я подготовила для вас комнату на втором этаже. И вот, – горничная продемонстрировала стопку одежды в своих руках, – позаимствовала у Эрика его старые подростковые штаны и футболку. Вы не переживайте, они выстираны и поглажены.

Передавав заботу об Альме Веронике, я хотел ненадолго исчезнуть, чтобы привести мысли в порядок, ведь рядом с Белроуз они разлетались точно птицы, но стоило устремиться к лестнице, как девушка меня остановила:

– Вы обещали имбирное печенье, месье Дюбуа.

Я почесал подбородок, как бы припоминая наш уговор.

– Конечно. Переодевайтесь, высушите волосы и спускайтесь на кухню, – после этих слов я все же удалился.

Через час в мою комнату наведальась Вероника, объявив, что мадмуазель Белроуз ожидает на кухне.

Сменив классическую белую рубашку и брюки на удобные серые штаны и черную футболку, я решил опробовать недавно приобретенный парфюм, распылив его на одежду, и поспешил к лестнице.

Моя спальня располагалась в конце третьего этажа и, спускаясь вниз, я не мог отделаться от мысли, какую из комнат предоставила Вероника Альме.

Ее детскую спальню? Вторую комнату моей матери или одну из многочисленных безликих гостевых.

Когда я вступил на последнюю ступеньку, на кухне что-то неожиданно громынуло. Позвоночник одеревенел, а легкие сжались, лишая организм кислорода. Я подготавливался к приступу – панической атаке, но в этот раз болезнь обошла стороной.

Облегченно выдохнув, принялся массажировать пульсирующие виски. Поэтому я избегал шумные вечеринки и компании, так как любой внезапный громкий звук переносил меня в прошлое. В день взрыва.

Переждав пару минут, я натянул маску безразличия и как ни в чем не бывало вошел в кухню, оснащенную по последнему слову техники.

На деревянном полу, рядом с островком, на котором дымился чай, валялся виновник моей мигрени – огромная книга, раскрытая на странице с названием цветка Аконит. Альма стояла на барном стуле и тянула руку с телефоном к потолку.

– Что ты делаешь? – я позволил себе перейти на «ты». Обратиться иначе к девушке с двумя косичками в моей старой пижаме со Спанч Бобом не повернулся язык.

Альма развернулась ко мне и покачнулась. Сотовый выпал из ее рук, и прежде чем она с визгом слетела со стула, я инстинктивно ринулся вперед и подхватил ее, не позволяя упасть. Одна рука оказалась под ее ребрами, а другая на упругих ягодицах.

Веснушчатое лицо девушки смущенно вытянулось и покраснело, а я слишком глубоко вдохнул ее обжигающий нутро аромат, на мгновение растерявшись. Поэтому мы так и остались стоять посреди кухни, я – вдавливающий пальцы в ее тело, и она – намертво вцепившаяся в мою шею.

– Что у тебя за парфюм? – вдруг ошарашила Альма, смешно чихнув. И еще раз. Маленький Йорк по кличке Мо-Мо – собачка приютившей меня тетки чихала точно так же.

Оттаяв, я переместил сжимающую ягодицу руку на талию Белроуз и осторожно поставил ее на пол.

– Шанель Спорт.

Альма отступила на шаг и снова чихнула в сложенные ладони.

– Там лемонграсс, да? У меня на него аллергия.

Я развел руками, не зная, что делать: извиняться или бежать за таблетками к Веронике.

Альма потеряла резко покрасневший и припухший нос, и нагнувшись, подняла с пола телефон и книгу. Проверив оба предмета на «увечья», она довольно хмыкнула, взгромоздила их на стол, и села на тот же стул, с которого недавно грохнулась.

– Не переживай, если не будешь подходить слишком близко, все пройдет.

– Завтра же их выброшу! – Не ожидая от себя столь бурной реакции на то, что именно я стал причиной недомогания Белроуз, обошел островок стороной, встав рядом с кухонным гарнитуром.

Альма мило хихикнула.

– Читаешь энциклопедию по ботанике? – я попытался завести непринужденный разговор, чтобы не напрягать друг друга молчанием и не вспоминать идеальные ягодицы девушки под своими пальцами.

Белроуз отпила из кружки чай и закинула себе в рот печенье из цветной коробки. Я только сейчас заметил, что рядом с ней стояла еще одна дымящаяся чашка.

Печальная улыбка опустила уголки рта. Прошло слишком много времени – мы выросли и изменились. Альма не знала, что я терпеть не могу травяной чай, отдавая предпочтение более крепким напиткам или кофе, а я запомнил про чертов лемонграсс.

– Да. Должна же где-то быть подсказка или ответ на столь интересный случай. Вероника сказала, что за последние годы вы сменили нескольких садовников, но с их приходом сад только сильнее чах.

Мой короткий кивок подтвердил ее слова. Я нанимал самых опытных людей для ухода за «сердцем» особняка, но все они терпели неудачу, а их анализы почвы и пробы ничего не показывали, словно сад отказывался оживать в их руках, пока я не вспомнил про оставленное матерью письмо.

– Смогла что-то узнать? – с надеждой поинтересовался я и завел руки назад, оперевшись ладонями о мраморную столешницу.

Альма расстроено пожевала нижнюю губу.

– Пока нет. Извини, Эрик. – Отлично, мы оба решили опустить формальности общества и говорить как друзья.

Повисла тишина, Белроуз вновь нырнула в книгу, с шелестом перелистывая страницы, а я вдруг поддался ностальгии.

– Помнишь, как мы по пятницам воровали у твоего отца кремовые заготовки на торты? Плечи Белроуз печально опустились.

– Умоляю, не надо. Если хочешь, чтобы я тебе помогла, пожалуйста, не напоминай о нем. *Что ж, у каждого был свой скелет в шкафу, не предназначенный для чужих глаз.*

– Ты любишь кормить голубей на главной площади?

Альма от столь неожиданного вопроса дернулась. Да и я сам не понял, зачем решил уточнить именно это. Наверное, причина крылась в том, что я терпеть не мог птиц. Им всегда была подвластна свобода, которой мне так не хватало...

– Конечно. – Пожала плечами Альма. – Я ведь француженка.

– Они загадили памятник отцу у входа в компанию и крышу.

Альма поперхнулась чаем. Что ж, наш непринужденный разговор явно не клялся.

Я потупил взгляд в пол и отклеился от столешницы, собираясь покинуть кухню. По дороге в спальню неплохо было бы заглянуть в винный погреб, чтобы расслабить натянутые нервы терпкостью напитка. Спать этой ночью мне явно не придется.

– Ты хотел узнать, что я делала? – Альма нервно постучала ногтем по столу, точно не желала меня отпускать. – Ловила связь. Лука и Натали, наверное, с ума сходят. Я обещала им, что вернусь домой до наступления темноты.

– Лука? – наигранно легко уточнил я, чувствуя, как внутри расцвела беспочвенная ревность к обычному парню без «заморочек». Странно все это, но вбитое гвоздем с детства в голову правило – оберегать Альму –, словно пробудилось от ее близости.

– Мой парень.

– Понятно.

От отвращения я на секунду сморщил нос и нахмурил брови.

Альма отложила книгу, заметив, как меня скривило, и оживилась. За недолгое общение с ней приятно порадовал тот факт, что Белроуз совершенно не заботили мои шрамы, будто пересекающих щеку, скулу и бровь уродливых рубцов не существовало вовсе.

– Что, Эрик? Удивлен, что на такую как я хоть кто-то клюнул?

И вновь я опешил, но не стал вестись на провокацию, дожидаясь объяснения выпада.

Альма обиженно надулась и потянулась за еще одним печеньем. С хрустом от него откусив, она тут же просияла, будто сладкое поднимало ей настроение.

– Ты меня рыжим пугало все детство обзывал, – жуя, напомнила она.

Смешок вырвался непроизвольно. Если бы с нами на кухне присутствовал мой лучший друг и одновременно бизнес-партнер – Адриан, уличивший меня дважды за день за сменой кислой рожи на улыбку, он бы вручил Альме медаль за столь редкий талант – дарить мне положительные эмоции.

Прочистив горло от клокочущего там смеха, попытался соскользнуть с вновь поднятой темы воспоминаний.

– Как долго вы встречаетесь? – Я побрел к холодильнику, чтобы было чем запивать царапающую внутренности ревность. Альма наблюдала за мной не спуская глаз, пока я раскрывал двустворчатые дверцы и вытаскивал с верхней полки виски.

– Полгода.

Откупорив бутылку, поставил ее на островок. Рядом с салфетницей стояли разного вида бокалы, выбрав подходящий, я плеснул в него виски.

– Шаткий срок, – подытожил я и пригубил опалившую горло жидкость.

Альма поморщилась вместо меня.

– Не любишь алкоголь?

– Нет, – коротко ответила она.

– Я раньше тоже его сторонился. Однако в день совершеннолетия, получив винный бизнес, решил, что пора президенту компании влиться в ряды его клиентов. – Про то, что алкоголь помогал сдерживать приступы, я распинаться не стал.

Альма взяла в руки кружку с чаем, согревая ладони, и вдруг шумно втянула носом воздух, точно пыталась совладать с собой.

– А у тебя?

– Что у меня? – Прищурил глаза. Конечно, я догадывался о сути вопроса, но хотел подразнить Белроуз.

– Есть девушка?

– У меня много избранниц, но я ни в кого не влюблен.

Альма отпила чай и расстроено взглянула в кружку, убедившись, что напиток заканчивается. Подперев подбородок ладонью, она вновь поинтересовалась:

– Ищешь секс без обязательств?

– Можно и так сказать.

– Дерьмовая затея. Так вскоре перестанешь ценить искренность и чувства, – подытожила Белроуз.

Я сел на барный стул напротив девушки, предварительно отодвинув его подальше, чтобы вновь не стать причиной ее аллергии и задумчиво покачал виски в бокале.

– Другого мне, увы, не остается. – Мои пальцы интуитивно коснулись гладкого рубца на подбородке.

Альма подалась вперед, со всей серьезностью сказав:

– Эрик, ты прекрасен, правда. Твои шрамы не уродство, а твоя особенность, так что...

– А вот тут стоп! – грубо перебил я девушку. – Как с твоим отцом, эта тема – табу! – Мой голос упал, став угрожающе хриплым. Белроуз сжалась, но не спасовала, продолжая сверлить меня взглядом.

– Как скажешь.

Ночное безмолвие прокралось в комнату, окутывая нас мнимым спокойствием. Каждый из нас на время затерялся в лабиринте дум, пока я тихо не заговорил:

– Слушай, Альма, если мои прошлые подколы как-то тебя задевали, то прошу прощения. Уверен, Луке с тобой необычайно повезло. – На дурацком имени ее парня, я поперхнулся в кулак. – Если бы меня попросили подобрать емко описывающее тебя слово, я бы не раздумывая назвал: «шедевр».

Глава 4

Нарасхват

Роза

Комплимент Эрика еще звенел в гудящей от усталости голове, пока я, наплевав на гордость, упрашивала его сопроводить меня в выделенную Вероникой гостевую. Сначала она предложила занять мою струю комнату, но я не была готова встретиться лицом к лицу с прошлым.

Горничная, должно быть, уснула, ведь мы просидели на кухне до часу ночи, а я наотрез отказывалась блуждать по особняку в одиночку.

Эрик согласился. Забрав с кухонного островка книгу, я побрела в темноту следом за ним, прижимая толстый томик к груди. Если бы мне год назад сказали, что я вновь окажусь в давящих со всех сторон стенах поместья Дюбуа, я бы покрутила у виска.

Но вот я иду по скрипучей лестнице дома, который изо всех сил старалась забыть. А ведет меня парень, по которому я долгие годы так сильно скучала и которого одновременно избегала.

В полумраке от тусклого света настенных бра все выглядело еще пугающее. Казалось, что за портьерами кто-то прячется, картины в золотых рамках двигаются, а воздух сгущается, удушая.

Поднявшись на второй этаж, мы миновали статуи греческих богинь и добрались до дверей отведенной мне на ночь комнаты.

– Спокойной ночи, Альма. – Вновь попытался улизнуть Эрик, но представив себя одну в тишине места, от жутких образов которого до сих пор бросает в дрожь, я невнятно протараторила:

– Останься со мной.

Густые брови Дюбуа от смятения сдвинулись к переносице, и я, не дав ему шанса откатиться, добавила:

– Пожалуйста...

Эрик замешкался, переступая с ноги на ногу, но все же ответил:

– Ладно, только схожу за другой книгой. Не в обиду тебе, но энциклопедия по ботанике не самое интересное чтиво перед сном, – небрежно бросил Дюбуа. Подождав пока я войду в гостевую, он размашистым шагом направился обратно к лестнице.

Вернулся Эрик быстрее, чем я ожидала. Все, что успела сделать за время его недолгого отсутствия – быстро осмотреть уютный интерьер с обилием бархата и золота, убрать энциклопедию в спортивную сумку у резной кровати и нырнуть под пушистое одеяло. Пока нежилась в постели, я все-таки умудрилась поймать связь, чтобы сообщить Луке и Натали, что со мной все в порядке, как Дюбуа вернулся в комнату и сразу направился к окну, чтобы закрыть шторы.

– Отдыхай, Альма. А я постерегу твой сон, – Дюбуа говорил без иронии в голосе. Опустившись в кресло, он положил голову на правый подлокотник, чтобы видеть меня, а длинные ноги перекинул через левый.

– А ты? – Я поспешно подобрала одеяло под себя, обезопасив лодыжки от выдуманных монстров, которые могли прятаться под чужой кроватью. С трудом верилось, что я вообще разговариваю с Эриком Дюбуа. Ведь буквально утром я боялась даже подумать о нем, не то что делить с ним одну комнату. Но как же хотелось все наладить, вернуть то, что у нас отняло время. И наконец, у меня появился шанс на искупление.

– Завтра выплущу, – отмахнулся Эрик и, раскрыв книгу, вынул из нее закладку в виде пера ворона.

Я прищурилась, пытаюсь рассмотреть название романа, но, хлопнув в ладоши, Эрик погасил свет, оставив гореть только ночник рядом с его креслом.

Повернувшись набок, я подложила ладони под щеку и принялась наблюдать за Дюбуа, поглощенным чтением. Сна не было ни в одном глазу, но я не решалась докучать Эрику расспросами, хотя любопытство грозило взять верх над учтивостью. Мне было интересно все: закончил ли он школу с отличием, состоял ли в студенческом совете, увлекается ли по-прежнему верховой ездой и игрой на барабанах. А главное – хотелось понять, что из баек про Дюбуа правда.

– Эрик, почему ты думаешь, что тебя искренне никто не полюбит?

Он оторвался от книги, и его карие глаза, блеснув в сумраке, устремились на меня.

– С чего вдруг такие выводы? – сухо спросил Дюбуа.

– Из-за разговора на кухне. Ты так твердо заявил, что никого не любишь, будто сам боишься стать объектом чего-то обожания.

Эрик вздорно хмыкнул.

– Осмелюсь напомнить, ты – флорист, Альма, не психолог.

Меня задело подобное холодное замечание, и я перевернулась на другой бок, спрятав от Дюбуа лицо.

– Знаешь, тебе нужен букет не с гладиолусами, а с розовыми розами, чтобы добавить вежливости раздутьому эго, – проворчала я в подушку, заслужив раздраженный выдох Эрика.

Стараясь не думать о пережитых ужасах в особняке Дюбуа, не представлять раздавишиеся тяжелые шаги среди ночи, скрип двери и предсмертные крики родителей Эрика, я закрыла глаза, мысленно молясь о спасительном забвении.

Разбудил меня стон боли. Я села в постели, потирая кулаками глаза и привыкая к сменившему за окном хмурую ночь рассвету.

Книга Эрика валялась раскрытой на полу, а сам он крепко спал, положив руку на грудь, будто прикрывал сердце. Его голова металась по подлокотнику, а лицо искажала мучительная гримаса.

Подорвавшись с кровати, я босиком пошлепала к креслу. Первые лучики солнца разогнали таившийся в углах спальни давний страх, придавая комнате золотых оттенков.

– Эрик? – аккуратно позвала я и легонько коснулась подрагивающего плеча Дюбуа, но мир грез его не отпустил, заставляя и дальше переживать видимую только ему агонию.

Его глазные яблоки под закрытыми веками быстро шевелились, точно во сне он пытался что-то разглядеть.

– Эрик! – вновь предприняла попытку его разбудить, но парень не реагировал.

– Аля, прячься! – с мучительным стоном выдавил он. Мой позвоночник словно молния прошла. Припоминая детский ужас, я медленно обернулась на дверь, однако она была заперта, а особняк не наводнял жуткий смех и грубые голоса. Дюбуа говорил во сне.

Я не решалась сильнее тормозить парня, чтобы не испугать его, и тут в голову вовремя пришла идея. После смерти отца в приюте меня часто мучили кошмары, и нянечка Моник, заходя в ночную смену, перед сном гладила меня по волосам и напевала нежную мелодию.

Медленно опустившись на колени перед кожаным креслом, отодвинула упавшую книгу в сторону. На корешке серебром была нанесена надпись: «Хоббит». Губы растянулись в быстро угасшей улыбке: хоть что-то в Дюбуа осталось прежним – его мечтательность. Рука сама потянулась к вороным прядям Эрика, спадавшим на его высокий лоб. Я боялась этого человека до дрожи за то жалкое и трусливое существо, которым себя рядом с ним ощущала, и за ту боль, что он пережил из-за меня.

Пропустив через пальцы шелковые волосы, я принялась тихо напевать колыбельную слез. Через пару мгновений метания Эрика прекратились, но нахмуренное выражение лица не отступало. Он повернул голову к высокой спинке, подставив под мой взор подсвеченные солнцем шрамы, белыми полосами тянувшиеся вдоль его виска, щек и подбородка.

Я принялась их мысленно считать. Одиннадцать неровных швов на идеальном мужском лице, зеркально отражающихся на моей душе. Опустив взгляд ниже отметила, что из-под ворота его футболки выглядывает еще один толстый рубец, тот самый, который я заметила в саду.

А что если слухи об осколке в его сердце правдивы?

– Ты ужасно поешь, знала? – пробубнил Эрик и лениво потянулся, разминая затекшее тело. – Точно скулящий щенок на смертном одре или охрипший попугайчик. – Реальность вернулась накатом. Я выпутала руку из черных локонов, и приподнявшись, попыталась встать с колен, но Дюбуа неожиданно поймал меня за запястье.

Карие глаза испуганно распахнулись, и я застряла в их ловушке, позабыв о вспыхнувшем огнем раздражение.

– Я что-то говорил во сне?

Мотая головой, я хлестала себя по щекам косичками. Пока Эрик увлеченно размышлял о чем-то мне не подвластном, его большой палец поглаживал точку пульса на моем запястье. Внизу живота точно вспорхнули бабочки от этих вымерено-нежных движений, воспаляющих тонкую кожу.

Дюбуа сел, но мою руку не выпустил.

– Ты врешь, Альма. Твой учащенный пульс говорит об обратном. – Неожиданно Эрик сильнее сдвинул мое запястье и дернул, точно хотел усадить к себе на колени и отчитать за ложь. По инерции я поддалась вперед и неуклюже завалилась в его объятия.

Крепкие руки сомкнулись на моей талии в замок, а наши лица оказались непозволительно близко. Я должна была оттолкнуть Эрика, напомнить ему, что встречаюсь с Лукой и подобное поведение не позволительно, но словно под гипнозам позабыла обо всем. Моргая, я

касалась кончиками ресниц гладковыбритой щеки. Дыхание Дюбуа стало глубже и осязаемее. Оно обжигало кожу у моего виска, смешиваясь с ароматом дурацкого лемонграсса, от которого свербело в носу.

Я оцепенела, боясь пошевелиться и спугнуть это странное, тягучее, точно мед, мгновение. Ведь еще ни разу в жизни не ощущала себя в чьих-то руках столь надежно и хм... правильно. Точно рядом с Эриком исчезала зыбкая пустота внутри и наполнялась светом погрязшая во мраке душа.

Мое внимание всецело приковали приоткрывшиеся в немой просьбе идеальные мужские губы, разгоняя по бедрам волны предательского тепла. Я потерялась в нем, в нас... Эрик видел это. Он все видел и не отпуская.

В закрытую дверь настойчиво постучали, сотрясая пространство глухим звуком. Дюбуа сразу разжал объятия и отстранился, а мой идеальный миг лопнул, залил горьким настоящим все вокруг. Рывком подорвавшись с его колен, я как уличенная за непотребствами школьница отшатнулась к кровати, расправляя измятую за ночь пижаму.

– На кухне готов завтрак, – объявила Вероника и, шаркая ногами по паркету, удалилась.

– Могла бы и позвонить, – возмутилась Натали, когда я заехала в магазинчик после обеда. «Цветы Парижа» как всегда наводняли покупателей: кто-то искал букет на значимую дату, а кто-то присматривал себе комнатные растения.

Я взгромоздила крафтовый пакет с кофе и ягодными тартами на прилавок, прямо перед лицом подруги. Она поглубже втянула носом воздух, и ее желудок жалобно заурчал.

– В особняке Дюбуа связь отвратительная. Мне пришлось изгаляться, чтобы просто отправить смс. Лука приезжал? – Вспомнив про своего парня, я густо покраснела. Мне не давало покоя то странное запретное притяжение, которое вызвал во мне утром Дюбуа. Приличная девушка ведь не имела права испытывать подобное к другому мужчине, находясь в отношениях, да?

– Ага, забрал заказ на доставку. Спрашивал про тебя. Волновался. – Натали протянула покупателю терминал для оплаты охапки пионов. Высокий мужчина приложил вытасченную из портмоне карту к дисплею. Послышалось противное пищание, терминал выдал покупателю чек, и тот сразу удалился.

– Увижусь с ним вечером и все объясню, мне еще нужно в подсобке создать минеральное удобрение.

После того, как Эрик молча покинул мою комнату, я прямой наводкой направилась в душ. Брызгая ледяной водой в лицо, старалась стереть отголоски пощипывающих кожу искр от прикосновений Дюбуа. Мы встретились на кухне. Но и вовремя завтрака Эрик не спешил объяснять произошедшее – вспыхнувшую между нами химию, которую было невозможно отрицать. А может, я надумала? Как всегда, преувеличила? И Эрик лишь хотел подшутить надо мной, усаживая на колени, как непослушного ребенка.

Дюбуа, переодевшись в идеально скроенный по его точеной фигуре брючный костюм, услужливо предложил подвести меня до работы, так как к утру размытая ливнем дорога подсохла, и его машине не пришлось бы застревать в грязи, но я отказалась. Желания еще больше испытывать судьбу и свои чувства, оставаясь с ним наедине, не возникало, и я вызвала такси.

Из «Фантома» я сразу отправилась домой, чтобы избавиться от грязного комбинезона, сменив его миди-юбкой коричневого цвета и молочным свитером, так как планировала перед сменой в магазине завезти образцы почвы в университет. Встретивший меня там бывший куратор по ботанике пообещал подготовить полный анализ почвы к концу недели.

Чтобы перестать думать о крепких руках Эрика, сжимающих мои бедра, и свежем дыхании, ласкающем воспаленную от нашей близости кожу, вновь разговорилась с Натали:

– Мадмуазель Лаура приходила вчера? Она должна была забрать фикус Бенджамина. – Я вытащила из пакета стаканчик с латте и побрела к дверям в подсобку, на ходу здороваясь с покупателями и Гретой. Канарейка чирикнула в ответ и принялась чистить перья, точно прихорашивалась.

– Да, – крикнула Натали. Она была в восторге от заказа.

Скрипнув створками и щелкнув выключателем, я спустилась в подвальное помещение – наш мини-склад. Тут обосновались ящики с ростками, на железных стеллажах, расставленных вдоль стен пылились рулоны обертки и всевозможные украшения для букетов, а на полу в мешках стояла разного вида почва.

Подойдя к длинному столу, я надела резиновые перчатки и принялась творить, смешивая с фосфатной мукой витамины в глубокой емкости.

После того, как я провозилась в подсобке до вечера, убрала получившийся концентрат на нижнюю полку стеллажа, чтобы перед следующим путешествием к Дюбуа удобрение хорошо настоялась.

Из-за вчерашнего ливня мне так и не удалось испробовать привезенную с собой подкормку, поэтому я решила сначала дождаться результатов от профессора Дроздова, а после экспериментировать.

– Аля! – на верхней ступеньке лестницы, ведущей в нашу мини лабораторию, появилась Натали, напугав меня. Яркий свет из магазина вплеся лучиками в более тусклый от настенных плафонов подвала. – Скорее скидывай перчатки и причеши кудри, ты не поверишь, кого к нам занесло!

Почему-то сердце екнуло, понадеявшись, что это Эрик, хотя в течение дня он холодно и односложно отвечал на мои сообщения о том, что я вернусь в сад лишь послезавтра. Впрочем, Натали сразу упомянула бы его имя, не выдерживая интриги.

Последовав совету подружки, я стянула с рук длинные желтые перчатки, развязала испачканный землей фартук, бросила его на стол и поправила волосы, взбив их у корней.

Пока поднималась, в голове прокручивала разные варианты, кто мог пожаловать к нам под закрытие, но все они оказались неверными.

Залюбовавшись Гретой и слегка наклонившись к клетке канарейки, стоял Адриан Флоран. Я узнала его даже со спины – еще одна весомая фигура в Париже. Насколько я помнила из детства и успела подчерпнуть из интернета, его покойный отец – Амир Флоран значился партнером по бизнесу Константина Дюбуа, поэтому Адриан владел пакетом акций винной компании, доставшимся ему по наследству, да и сам парень был не промах. Три года назад он создал фирму, весьма преуспевающую в строительном бизнесе.

Но на мысль о том, кто именно тыкал пальцем в золотые пруттики, раскачивая домик Греты, навело другое – белоснежные, как снег волосы и высокая, точеная фигура, облаченная в серый плащ. Адриан был альбиносом. Даже ресницы и брови парня отливали жемчужной дымкой. Но самое необычное в его внешности – лишенные пигмента глаза, они казались прозрачными, как горный хрусталь. Именно ими он и уставился на меня, когда повернулся на шум закрывающейся двери подсобки и наших шагов.

Я встала за прилавок рядом с Натали и завела руки за спину, нервно заламывая пальцы.

– Чем обязаны столь неожиданному визиту, месье Флоран?

Адриан размашисто направился к нам, на ходу растягивая верхние пуговицы плаща, словно его душили цветочные ароматы, и без долгого вступления ответил:

– Через неделю состоится мое двадцатидвухлетие. Слышал, месье Дюбуа нанял вас восстанавливать сад его матери, а это – показатель высшего профессионализма. Так что хочу оформить заказ на украшение к празднику моего собственного особняка.

Адриан обольстительно улыбнулся, показав ровные зубы, а Натали ущипнула меня за бок под прилавком, словно говоря: «Ты только посмотри, какой он красавчик!»

– Деньги не имеют значения. – Флоран игриво ударил по круглому звончку для вызова продавца, точно уже оплатил заказ. – Что скажите?

Я прочистила горло и заправила локоны за слегка оттопыренные уши.

– Для начала нам нужны замеры территорий, которые вы хотите украсить цветами, и список ваших предпочтений, чтобы мы могли точно ответить, сможем ли мы принять данную работу. Некоторые растения необходимо заказывать заранее...

Адриан тряхнул головой, прерывая меня. В нос ударил тяжелый аромат древесного парфюма с нотками бурбона и табака.

– Все на ваш вкус. А осмотреть главный зал и двор вы сможете уже завтра.

Натали вновь ущипнула меня. За столько лет дружбы я понимала ее без слов: «Не ломайся! Такие деньжищи на дороге не валяются. Мы справимся!»

Я пожевала губу, задумавшись. Совмещать воскрешение сада Эрика, работу в магазине и подготовку юбилея одного из самых влиятельных мужчин города нелегко. Однако Натали была права, чем громче заказы, тем значимее имя и репутация нашего магазинчика.

– Хорошо. Натали, – я указала большим пальцем на свою подругу, – подьедет к вам после закрытия магазина во вторник для замеров и отрисовки эскиза.

Подруга довольно пискнула, но тут же взяла себя в руки, чтобы не выдавать радость от предстоящего близкого общения с самим Адрианом Флораном.

Парень развязно ей подмигнул и, достав из кармана кошелек, вытащил оттуда ламинированную визитку, оставляя ее на прилавке.

– Позвоните мне за полчаса.

Глава 5

Ужастики или комедия?

Роза

Лука вальяжно развалился на стареньком диване перед телевизором в гостиной. Растянув одну руку вдоль спинки и укрыв ноги пушистым розовым пледом, он бесцельно переключал каналы, щелкая пультом.

Я воодушевленно впорхнула в нашу с Натали квартиру, держа в руках коробку с шоколадным тортом. Мне срочно нужен был отдых после тяжелой ночи в давящих стенах «Фантома», которые навевали страхи и окутывали дымкой забытые чувства к человеку, которого я сторонилась как чумы до вчерашнего дня.

Мой парень еще в первый месяц отношений обзавелся собственными ключами, так как жил в пригороде Парижа и часто оставался у нас с ночевкой, чтобы не опаздывать на работу. Поэтому его присутствие в квартире совершенно не удивило.

– Альма! Где тебя носило? – воскликнул Лука и, отбросив плед, ринулся ко мне. Я с порога вручила ему коробку с вкусняшками, чтобы та не мешала разуваться.

– Давай сначала поедим, умоляю! А потом расспросы, я жутко голодная, – призналась я и состроила жалостливую моську.

Побежденно выдохнув, Лука поспешил на кухню, приглашающе махнув мне рукой.

Я проследовала за ним по короткому коридору и, сев за стеклянный столик у окна, виновато взглянула на парня, развязывающего ленту на коробке. Он стоял у светлого кухонного гарнитура с вензелями и упорно молчал.

– Прости меня, Лука. Я не хотела тебя волновать.

Бойфренд распаковал угощение, достал из кухонного ящика нож и, отрезав два кусочка, на тарелках поставил их на стол.

Обычно оживленный Лука сделался мрачнее тучи, и я поняла, что нас ждет серьезный разговор.

– Не хотела волновать? – тихо повторил он, садясь на стул. – Альма, ты пропала на целую ночь, а из объяснений одно жалкое смс о плохой связи в поместье местного Франкенштейна.

Я вдруг ошетибилась, едва не зашипев, как кошка.

– Не называй Эрика так.

– Ах, уже «Эрика», не месье Дюбуа, – Лука воткнул вилку в нежный бисквит и тут же ее отложил, не попробовав ни кусочка. – И как *глубоко* вы погрузились в ностальгию за ночь?

В ушах зашумело. Разозлившись на столь неподобающее замечание, я отодвинула от себя торт и резко встала, чтобы выйти на балкончик, расположенный сбоку от кухни. Странно, но раньше Лука никогда не вел себя столь ревностно. Впрочем, стоит сказать в его защиту, что и я не пропадала на целую ночь.

Надежда, что весенний ветерок остудит распаленные нервы и мне не придется кидаться в парня едой, придала стимул двигаться быстрее. Уже через минуту я стояла, облокотившись на перила, и любовалась тихим озером, поблескивающим в оранжевом свете заката.

Лука вышел следом, неловко взъерошивая свои светлые волосы на макушке.

– Аля, прости, я перегнул палку. – Лука вторя мне оперся о перила, и его плечо коснулось моего. Мускулистое тело парня облегал серая футболка и легкие домашние брюки, поэтому он вздрогнул от первого порыва ветра. – Ты так неожиданно исчезла, а когда я узнал от Натали, с кем ты была... Признаю, заревновал. – Лука опустил взгляд серых глаз на свои загорелые мозолистые руки, сжимающие перила. – Назови меня глупцом, но тяжело оставаться невозмутимым, когда ты проводишь ночь в доме одного из самых богатых и влиятельных мужчин Парижа. А я по-прежнему вечерами просиживаю твой диван, а не брожу с вином по особняку в леопардовом халате и впахиваю доставщиком и официантом в две смены, пока ты становишься лучшим флористом города и окружаешь себя знаменитыми людьми.

Я в недоумении повернула голову на Луку. Что-то болезненно задело в его речи, будто он ревновал не меня, а свою упущенную возможность хорошей жизни.

Бойфренд не знал о моем совместном прошлом с Дюбуа, и его вечный пунктик, что он меня не достоин, кажется, вышел на новый уровень. Чтобы не усугублять ситуацию, я попыталась вырваться с полосы обвинений.

– Между мной и Эриком сугубо рабочие отношения. Он нанял меня восстановить сад, тебе нечего переживать. А что касается всего остального... – Я перевела дух, наполняя легкие ароматом цветущей под балконом вишни. – Я знаю, как ты стараешься, Лука. Не каждый парень, выходец из небольшой деревушки, способен перебраться в Париж, не имея за плечами ни опыта работы, ни образования.

Лука сжал губы в тонкую напряженную линию, и занервничал. Он не любил вспоминать о тяжелом прошлом. Но я не считала провинциальность и отсутствие высшего образования слабостью. Наоборот: Лука отказался от учебы, чтобы ухаживать за больной матерью, а после ее смерти год назад приехал сюда. Времени сдавать экзамены и учиться у него не оставалось: нужно было содержать себя и младшего брата. Он пришел ко мне в магазин, ища работу курьером, так мы и познакомились.

Я встала на цыпочки, чтобы чмокнуть Луку в щетинистую щеку. Под глазами парня залегли синяки от усталости, наверное, он не спал всю ночь, и меня укололо острое чувство вины.

Вязав Луку под локоть, подтолкнула его обратно в кухню, чтобы он не мерз. Он ответно поцеловал меня в макушку, заставляя сердце биться чаще.

– Просто в следующий раз держи меня в курсе своих планов, ладно? – Лука смягчился. Я подняла на него кокетливый взгляд, и между нами заплясало напряжение. Мускулистые руки легли на мою талию, прижимая к груди, и порог кухни мы переступили жарко целуясь.

– Фу! – разрезал пространство чужое восклицание.

Испугавшись, мы резко отпрянули друг от друга. Я стукнулась лбом об косяк двери и охнула, а Лука, точно уличенный в воровстве, застыл.

За столом, с аппетитом доедая наши сваленные в одну тарелку кусочки торта сидела Натали. Она закатала рукава розового пуловера до локтей, точно готовилась к марафону по поеданию сладкого.

– Натали! – стыдливо взвизгнула я. – Ты же обещала вернуться позже, заехав после работы к Майклу.

Подруге паталогически не везло в любви, и все ее избранники спустя примерно месяц оказывались изменщиками или абыюзерами.

Натали вытерла салфеткой крошки с губ.

– Планы изменились... – расстроено выдавила она и хлопнула носом. Мы с Лукой озадаченно приглянулись.

– Опять? – осторожно поинтересовалась я, опускаясь на стул рядом с Натали. Парень ожил и встал позади, массируя мои напряженные плечи.

– Ага. Ну, надо отдать Майклу должное, так меня еще никто не удивлял. – Натали угрюмо свела брови, а потом хихикнула: – Его пассия пряталась в шкафу, пока мы смотрели фильм, должно быть не успела свалить до моего прихода. – Я выпучила глаза от услышанного и прикрыла рот ладонью. – На середине фильма, видимо, девчонка захотела в туалет. Представьте мою физиономию, когда в момент выхода зловещего призрака из колодца в «Звонке» из шкафа вылезла голая девушка.

Лука откровенно заржал, согнувшись пополам, а я ужаснулась от столь щепетильной ситуации.

– В общем, я сначала высыпала из миски попкорн на его лысую голову, но данная карма мне показалась недостаточной, и уходя я вдобавок врезала Майклу по яйцам. И да, незнакомка меня поддержала, и по итогу мерзавец получил дважды. – Натали отковырнула от торта очередной кусок и отправила его в рот, заедая сладким обиду на очередной любовный промах в своей жизни.

– Может, тебе в церковь сходить... – начал Лука, но я дернула плечом, на котором лежала его ладонь, давая понять, что шуточки сейчас неуместны.

Натали проглотила его испепеляющим взглядом демоницы, и мой парень вдруг оживился:

– Черт, я совсем забыл! – Лука принялся что-то искать в карманах штанов. Мы с Натали с интересом наблюдали за ним, пока он с гордым видом не положил на стол два билета в Оперу Гарнье.

От удивления я приоткрыла рот.

– Ого, места в первых рядах! Такие билеты стоят целое состояние. Где ты их взял? – изумилась Натали. Отложив вилку, она осторожно, точно по слитку золота, провела пальцами по билету, внимательно изучая бело-коричневый корешок.

Я подняла голову и с недоверчивым прищуром посмотрел на Луку, дожидаясь объяснений столь дорогого подарка. Он только пожал плечами, мол – ничего необычного.

– Один из постоянных клиентов ресторана «Монпансье» работает там актером. Как-то раз я помог ему забронировать столик в выходной, уговорив администратора на дополнительное место для него и его молодой любовницы. Вот и благодарность подоспела... – Лука смущенно потер шею сзади, заметив, как от предвкушения свидания с ним у меня заблестели глаза. – Но есть одна проблема – билеты на среду, а я еще месяц назад договорился с врачом брата о посещении его в реабилитационном центре. Вам известно, что Гарри сейчас переживает не лучшие времена.

И тут образ нашего идеального свидания обратился пеплом, сгорая под натиском обстоятельств. Но несмотря на скребущую в душе обиду, мне захотелось встать и крепко обнять

Луку. Я знала, что его младший брат давно лечится от тяжелой алкогольной зависимости, но мой парень махнул рукой, не желая, чтобы его жалели.

– Сходите вместе с Натали, ей не помешает развеяться.

После нашего разговора Лука уехал работать в ночную смену. Я и Натали отправились спать, как только за парнем закрылась входная дверь, морально и физически истощившись за насыщенный событиями день.

Меня разбудил первый лучик солнца, пробравшийся в комнату и игриво осветивший лицо. Я еле разлепила глаза, так как пришлось встать на час раньше обычного, чтобы открыть магазин и успеть до прихода первых покупателей добавить в созданное вчера удобрение дополнительную порцию витаминов.

Натали обещала подменить меня к обеду, позволив уделить больше времени саду Дюбуа до того, как начнет смеркаться.

В этот раз до особняка «Фантом» я добралась без лишних нервов: таксист не расспрашивал о цели визита столь злополучного поместья, небо серой вуалью не затягивали тучи и не обрушивали на землю веками копившиеся слезы богов.

У решетчатых ворот меня встретила Вероника с плетеной корзиной для пикника. Не успела я ступить на территорию особняка, как горничная вручила мне ароматную еду.

– Месье Дюбуа ждет вас в беседке в саду.

От услышанного пульс застучал в висках, а пальцы мертвой хваткой вцепились в ручку корзины.

Я была не готова к новому randevu с собственным обезумевшим сердцем.

– Как? Эрик же должен работать в офисе в это время.

Искренне не понимая проблемы нашей с Дюбуа встречи, Вероника подставила кукольно-круглое лицо с пересекающими его морщинками ласковым весенним лучам, покачиваясь на каблуках. Уверена, в молодости за ней ухаживали многие.

– Ради вас сегодня месье решил остаться дома.

Я не успела разобрать вспыхнувший в теле спектр эмоций. Сначала щеки окрасило алым смущением от мысли, что я останусь с Эриком наедине. Потом раздражение заставило сжать губы: обещание Дюбуа не беспокоить меня в саду оказалось ложью. И наконец, легкая, предательская радость. В глубине души я хотела вновь оказаться в плену его глаз и крепких рук, но признать это даже мысленно означало предать Луку.

– Ну же, Альма. Заставлять ждать самого месье Дюбуа неприлично.

Коротко поблагодарив Веронику за информацию и переданный перекус, я поправила ремень спортивной сумки на плече, перехватила корзину поудобнее и направилась в сад.

Пытаться и дальше увилывать от неизбежного бессмысленно. Внутренне успокаивая себя, что в первый день работы в саду на чересчур острое восприятие Эрика в личном пространстве действовал стресс, обострив все чувства до предела, нервно вышагивала по брусчатке к калитке. Скрипнув ее створками, я направилась в розарий.

Резная каменная беседка, больше похожая на миниатюрный собор, обвитый виноградной лозой, утопала в тени кипарисов. Эрик сидел ко мне спиной и что-то читал. Стоило выйти из-за сухих кустарников, как он обернулся. Заметив меня, Дюбуа растянул губы в сдержанной улыбке и отложил книгу.

Поставив корзину у беседки, я коротким кивком поприветствовала Эрика, на что он вздернул черную бровь, и поспешила к единственной живой розе в саду.

Пока привычно устраивалась на корточках и раскладывала грабельки и емкость с удобрением из сумки, длинная тень закрыла солнце.

– Думал, прежде чем мы приступим к работе, сначала пообедаем.

– Мы? – удивленно переспросила я.

– Да. Решил, что тебе может понадобиться помощь, поэтому взял выходной. – Эрик почесал шрам на лбу, словно подбирал слова на ходу.

Сдерживая едкий комментарий, я скептически окинула взглядом его идеально отглаженные брюки со стрелкой и темно-зеленый свитер.

– Не самая практичная одежда для сада, – заметила я и густо покраснела, вспомнив, как при первом визите в особняк надела новый джинсовый комбинезон, чтобы произвести впечатление. Сегодняшние потертые легинсы и невзрачная туника были куда уместнее.

Эрик мельком оглядел свой наряд с «иголочки» и, словно игнорируя замечание, закатал рукава, обнажив витиеватый рисунок вен.

Я сглотнула ком в горле, одновременно любуясь им и сочувствуя тому, что шрамы белыми полосами пробрались и на его левое предплечье.

– Куплю новую, – подмигнул он и, наклонившись, взял грабельки. – Ковырять ими землю рядом с цветами?

Смешок разогнал мое поникшее настроение. Всю дорогу до особняка я переживала за Луку и наши остывающие последние время отношения. Его манило везде успевать, выбиваясь из последних сил, чтобы не теряться на фоне моего успеха в флористике. Мы словно уперлись в тупик, преодолеть который становилось все сложнее.

– Правильно говорить «рыхлить», и да, это нужно, чтобы воздух быстрее проникал через почву к корням растений.

Эрик повертел грабельки в руках, точно привыкал к их весу, потом кивнул и опустился на колени напротив увядшего куста чайных роз.

Мы увлеченно работали около часа, переговариваясь в основном по делу, пока я не осмелилась спросить:

– Как дела в семейном бизнесе? Слышала, ваша компания расширяется, выкупив все винные заводы на юге Европы?

– Да, дело Дюбуа процветает, чего не скажешь о здешнем саде. – Эрик вытер испарину со лба тыльной стороной ладони. Он правда старался. Все время внимательно слушая подсказки, и, повторяя за мной, учился правильно работать с садовыми инструментами.

Не зная, как правильнее попросить об одолжении, я принялась накручивать кончик хвоста на палец. Эрик заинтересованно обернулся, словно ожидая продолжения.

– Если освободится место на ближайшем к Парижу заводе, я замолвлю словечко за твоего бойфренда. Ты ведь об этом? – его голос прозвучал почти еле слышно.

Я выронила колбу с удобрением.

– Как ты догадался?

– Навел справки. Парень хороший, но с дырами в личном деле, такое бывает, когда часто переезжаешь. Из этого и вывод, что твой Лука ищет нормальную работу.

Вспыхнувшее возмущение заставило кровь прилить к лицу. Я открыла рот для выказывания недовольства тем, что Дюбуа хватило наглости ковыряться в документах Луки, но Эрик вдруг поднялся, отряхнул брюки и ехидно заметил:

– Не кипятись, Альма. Мне просто было любопытно, кто занял место в твоём сердце.

Глубокий вдох помог придержать рвущиеся наружу нелицеприятные слова. Успокоившись, я тоже встала, наблюдая, как Дюбуа направляется к беседке.

– Зачем тебе это? – крикнула я ему в спину и интуитивно двинулась следом.

– Чтобы убедиться, что мне в твоей жизни не место.

Я застыла в шаге от беседки. Эрик поставил корзину для пикника на стол, достал влажные салфетки и принялся с остервенением оттирать руки от грязи, точно вместо засохшей земли их пятнила кровь.

– Не понимаю, – призналась я. Эрик усмехнулся, словно знал, что его намеки пока для меня непостижимы.

– Ты будешь крок-месье с ветчиной или сыром? – Лихо сменил Дюбуа тему. Я не стала настаивать на продолжении щекотливого разговора, поддерживая его желание не лезть в душу.

– А есть что-нибудь сладкое? – Эрик сложил чистую салфетку аккуратным квадратиком и подал мне, чтобы я протерла руки. Очистив ладони, с интересом заглянула в корзинку. Желудок громко заурчал от смеси вкуснейших ароматов, ударивших в нос.

– Да. – Острым подбородком он указал на скамью напротив, продолжая раскладывать на столе угощения. Я послушно заняла свое место, решив, что перекус и правда не помешает. Передо мной, заставляя шумно сглотнуть и облизнуться, появился яблочный штрудель, бутерброды с ростбифом и бутылочки с домашним морсом. – Может расскажешь, почему выросла такой сладкоежкой?

Дюбуа положил на стол возле себя сырный крок-месье, а мне пододвинул кусочек пирога. Я тоже потянулась к пластиковой тарелки, и наши пальцы на мгновение соприкоснулись. По подушечкам пробежал разряд. Эрик смущенно прочистил горло и убрал руку, но воздух между нами уже сгустился.

Почему-то захотелось отвлечься от необъяснимого магнетизма, возникающего рядом с Дюбуа, и приоткрыть ширму на свое детство после жизни в особняке и тем самым попытаться пробить брешь и в его тайнах.

– В приюте со сладким возникали сложности. За банальные леденцы мы с воспитанниками мыли полы на кухне в сорокоградусную жару. С возрастом, получив возможность беспрепятственно покупать любые лакомства, думала, тяга к «запретному» угаснет, но, увы. – Пожала плечами. – Спасибо Натали, что гоняет меня в спортзале по выходным, иначе бы я уже напоминала пончик.

Я смущенно провела рукой по выступу в деревянном столе. Эрик изменился в лице и неожиданно протянулся через стол, приподнимая мой подбородок указательным пальцем.

Кожа под его прикосновением пульсировала, а дыхание застряло в горле. Однако виной тому был не аромат лемонграсса, который Дюбуа, к слову, сменил на терпкую древесную ноту, а все та же химия, что буквально заряжала молниями пространство между нами.

– Когда-нибудь, я подарю тебе билет на Шоколадную фабрику Чарли. – Разрушая наполненный магией момент пошутил Эрик и убрал руку от моего лица.

А может мне опять показалась? Тот живой блеск в глазах Дюбуа, когда он внимательно изучал меня, точно считал каждую веснушку на носу. Глупое воображение не долюбленной в детстве девчонки!

– Ты в курсе, что это выдумка, как и все фильмы Тима Бертона?

– Конечно, а я смотрю ты фанатка его творчества? – Эрик подпер голову кулаком, полностью расслабившись в моей компании.

– Не совсем...

Он довольно хмыкнул, точно наперед знал мой ответ.

– Дай угадаю, твой любимый кино-жанр – сопливые мелодрамы? Хм... «Титаник»?

Я вдруг ошетилилась, скрестив руки на груди. Конечно, Дюбуа отгадал с первого раза, но так не хотелось признавать, что я – открытая книга и во мне совершенно нет никакой загадки, поэтому выпалила:

– Хоррор и ужастики. Обожаю фильм «Звонок». – Честно? На дух подобное не переносила, хорошо Натали рассталась с парнем именно под этот ужастик и название вьелось в подкорку. Зато было очень приятно наблюдать, как завышенное самомнение в виде нахальной улыбки сползает с лица Эрика.

– Буду иметь в виду. – Дюбуа откусил от сэндвича и, прожевав кусочек, предложил: – На случай, если нас опять настигнет гроза и тебе придется заночевать в «Фантоме», скачаю все топовые ужастики.

Мне показалась, что я побледнела.

Но от чего? От предвкушения еще одной ночи в колыбели собственных страхов? Или от мысли о вечере с Дюбуа за просмотром фильмов, которые я так ненавидела?

Чтобы скрыть резкую перемену в настроении, я принялась ковырять вилкой пирог, внешне показавшийся абсолютно безвкусным.

Мы больше не разговаривали, увлеченные едой, но под конец трапезы меня вдруг охватило странное, подсознательное желание проверить розу. Подавшись зовущей интуиции, я вышла из беседки и направилась обратно в аллею, даже не оглянувшись на Эрика. Меня тянуло к тому цветку, словно магнитом.

Приблизившись к кусту, я потеряла дар речи. Иначе чем чудом это назвать было невозможно. Рядом с единственной выжившей розой, за время нашего короткого перекуса, пробился и распустился новый бутон. Его бархатные лепестки цвета спелой вишни были влажными от росы и разворачивались прямо на глазах, будто невидимые часы ускорили время только для них.

– Такого не бывает! Это просто невозможно! – прошептала я, застыв в изумлении.

Позади раздались быстрые шаги. Эрик остановился так близко, что я почувствовала тепло его тела.

– Кажется, твое присутствие действует на этот сад лучше любого удобрения...

Салон дорогого Порше Кайен цвета горького шоколада наполнился приятным запахом кожи. Дюбуа, пафосно вращая руль одной рукой, вел машину к университету естественных наук. Всеми виной была моя отчаянная просьба: нужно было как можно скорее показать профессору Дроздову снимки уникального бутона, расцветшего буквально на глазах.

Покачивая ногой на пассажирском сиденье, я сосредоточенно изучала статьи в интернете о подобном феномене, но ничего дельного не попадалось. Погрязнув в научных текстах, я и не заметила, как мы выехали из пригорода Парижа на площадь Трокадеро, с которой открывался прекрасный обзор на Эйфелеву башню.

– Тебя подождать? – вырывая из водоворота одолевших мыслей, со странной примесью надежды в голосе, поинтересовался Эрик. Я оторвалась от экрана телефона, взглянув на него. В мягком свете заката режущие черты Дюбуа сглаживались, черные волосы лоснились, а шрамы на левой части лица становились не так заметны.

Как же Эрик был красив. Идеален...

Лука! Я люблю Луку! – с размаху я дала себе мысленную пощечину, прекращая восхищаться Дюбуа.

– Нет. Мой бойфренд заедет за мной после беседы с профессором, у него как раз заканчивается смена в ресторане. – Я вновь застучала пальцами по виртуальной клавиатуре, отправляя Луке просьбу встретить меня на площади у университета через час.

– Как скажешь. Только отпишись мне, если что-то узнаешь про мистику, творящуюся в саде моей матери, – холодно попросил Эрик и отвернулся к лобовому стеклу, крепко сдавив руль до белых костяшек.

То, как молниеносно менялось его настроение, выбивало из колеи.

– Конечно. – Я отстегнула ремень безопасности и, потянувшись к двери, хотела покинуть машину, как вдруг меня осенило:

– Я завтра не смогу приехать. По хм... личным причинам. – Говорить про посещение тетра с подругой, которому я отдала предпочтение вместо работы, показалось непрофессиональным.

Эрик никак не отреагировал на заявления, чересчур внимательно рассматривая растущие вдоль дороги платаны.

– Без проблем. Я и сам завтра не планировал проводить вечер в особняке.

Почему-то все легкое тепло, что накопилось внутри вовремя болтовни в беседке и совместной поездки, затянуло колючим инеем.

На тяжелом выдохе я забрала с заднего сиденья спортивную сумку и вышла на улицу.

Университет естествознания вечером становился другим миром – этаким Хогвартсом. Могучие колонны и стрельчатые арки, подсвеченные теплым светом настенных фонарей, навевали ощущение древнего храма науки, а стены из грубого камня поглощали звук, создавая зыбкую, почти магическую тишину.

Большинство студентов к вечеру разошлись по кампусу, поэтому я смогла обойтись без лишнего внимания и прошмыгнула в длинный коридор главного корпуса. Стена слева от меня была выполнена из прозрачного стекла, за которой раскинулся местный дендрарий.

Под старым кедром на деревянной скамейке сидел профессор Дроздов – мой бывший куратор. До моего появления мужчина явно кормил голубей, и теперь сытые птицы суетливо бродили у его ног, выискивая оставшиеся крошки, пока сам он что-то внимательно разглядывал в багровых полосах заката. Его нахмуренные седые брови сдвинулись к широкой переносице, редкие волосы, стянутые в хвост, трепал ветер, а ладони он сложил на набалдашнике черной трости.

– Профессор! – Ноги заскользили по брусчатке, когда я вылетела из коридора и, поправляя на плече ремень сумки, помчалась к Дроздову. Еще покидая поместье «Фантом», я позвонила наставнику, коротко обрисовав ситуацию с розой, и Николай согласился подождать меня в университете.

– Аля, да не спеши ты так! Ноги переломашь! – Профессор перестал изучать небосвод и с опаской наблюдал, как я перепрыгиваю через клумбы.

В груди засвербело от нехватки кислорода. И через минуту я плюхнулась на скамью рядом с профессором, тяжело дыша.

– Мне нужно вам кое-что показать. Дело срочное и хм... непостижимое. – Поставив рядом с собой сумку, я извлекла из кармана коричневого плаща телефон и протянула его Дроздову. На разблокированном экране горела фотография нежной розы из сада Дюбуа.

Профессор поправил круглые очки, глядя в изображение.

– Я вижу свежий бутон семейства розовых, а рядом – более зрелый цветок.

– Да, но этот бутон пророс и расцвел за двадцать минут! А взрослая роза до сегодняшнего дня была единственным живым растением в полностью увядшем саду.

Дроздов щелкнул пальцами и весело улыбнулся:

– Это розыгрыш у тебя такой? Ремонтантные сорта переходят из стадии зачатка к цветению за три-четыре месяца. Как моя лучшая ученица, ты не можешь этого не знать.

Смутившись, потеряла шею сзади.

– Да, но, профессор, я лично видела эту аномалию. Клянусь! – Пришлось прижать кулак к груди. – В обед даже ростка не было и, бац – целый цветок за жалкие минуты.

Порывшись в сумке, я извлекла оттуда колбу с остатками созданного мной удобрения. Дроздов покачал головой, подтверждая догадку, что причина таинственного явления кроется не в моих разработках минеральной подкормки. Иначе зацвела бы не только эта роза, но и десяток других кустов, которые мы с Эриком удобрили.

– Ты работаешь в саду Дюбуа, верно?

– Да, – забрав у профессора телефон, ответила я.

– Послушай внимательно, Аля. В свое время месье Эрик Дюбуа, еще проживая в Ренне, приглашал в сад наших лучших специалистов, но никто не смог вырастить там ни цветочка...

Тяжелый вздох обжег мне губы.

– Считаете, я спятила?

– Все нет. Просто иногда проблема кроется не в почве и не в удобрениях. – Николай медленно поднялся с скамьи, опираясь на трость. Он, хмурясь, потер поясницу и указал рукой себе под ноги. – А в самой земле. В ее памяти. Я знал Марию и видел, как ее эмоции отражаются на цветах. Сад Дюбуа... он всегда был особенным, олицетворяющим сердца своих хозяев.

Я вздрогнула и тоже встала, чтобы подстраховать профессора. Несколько лет назад он неудачно упал с лестницы в административном корпусе и сломал бедро, и до сих пор прихрамывал на левую ногу.

– Вы ведь еще на первом курсе говорили, что ученые скептики.

– Да, но что такое любовь? Никто из великих умов так и не пришел к однозначному выводу. – В блекло-серых от преклонного возраста глаз Дроздова отразилось угасающее солнце. – Она излечивает душевные раны людей, делает их сильнее и помогает бороться со смертельными недугами, а если она невзаимна, то разрушает целые миры, так почему не может пробудить от забвения растения?

Глава 6

Невозможное

Призрак

Отказ Альмы странным образом ранил. Единственное, на что я надеялся, переступая через себя и заявляясь в ее магазинчик – раскрытие тайн.

Но ее присутствие возвращало в далекое прошлое. В возраст, в котором я не знал забот и потерь. Она как лучик солнца разгоняла давно сгустившуюся надо мной тьму. Почему-то казалось, что Белроуз способна полюбить меня любого, со шрамами на лице и душе...

Я крутанул руль влево, избавляясь от ложных надежд и объезжая главный отель Парижа, когда телефон завибрировал.

Пришлось приподняться на сиденье, чтобы вытащить его из кармана брюк. Закрепив сотовый на держателе и включив громкую связь на руле, чтобы не отвлекаться от дороги, я удивленно спросил:

– Адриан?

Мы разговаривали утром, и Флоран поведал мне, что нанял «Цветы Парижа» декорировать его особняк. А я рассказал единственному другу, что впервые за последние два года решил пропустить работу и нарушить свое обещание, чтобы подольше побыть с Альмой и попытаться выудить из нее признание. Я откровенно врал самому себе. А что оставалось делать, если сердце рядом с ней заходило, как у мальчишки, а Альма встречалась с другим.

Разве возможно так быстро влюбиться? Нет.

Но суть моей тяги к Белроуз крылась в том, что я грезил ею, сколько себя помнил. Сначала оберегал, как сестру, после комы боялся, что Альма не примет изуродованного монстра, а когда мы выросли, стал аккуратно наблюдать за ней из тени. И каждый раз в душе предательски загорался огонь на взаимность, быстро затушенный уверенностью в том, что она меня ненавидит.

– Удалось что-нибудь узнать у девчонки? – с ходу поинтересовался друг.

Мне пришлось затормозить на пешеходном переходе, пропуская девушку в цветочном сарафане.

– Хм... нет.

– Я же тебе говорил, с Белроуз не все так просто. – Когда девушка достигла другой стороны бульвара, я вновь нажал на газ.

– Хорошо... – как-то радостно заключил Адриан, и я нахмурился, не понимая друга. – В общем, я тебе звоню напомнить о завтрашнем совещании акционеров в двенадцать. И прихвати с собой оптимизм, он нам понадобится.

– Адриан, это забота моей секретарши, – хотел пошутить я, но друг резко сбросил звонок, оглушая меня монотонными гудками.

Флоран частенько вел себя странно, когда что-то замышлял. Но сейчас его наигранная бодрость и поспешный сброс звонка показались мне подозрительными. Я отложил телефон и сосредоточился на дороге, но неприятный осадок остался.

Зачем ему понадобилось лично напоминать о совещании? Это больше выглядело, как глупый предлог для звонка. И друг так обрадовался, услышав, что у меня ничего не вышло с Альмой?

Ответы не находились, а дорога тем временем вывела меня к набережной Сены. Я припарковался, заглушил двигатель и некоторое время просто смотрел на темную воду реки, пытаюсь привести мысли в порядок.

Глава 7

Опера Гарнье

Роза

– Ты бы видела эту домину! – присвистнула Натали и всплеснула руками. – У меня нет слов! Там фонтаны, сады с покрытыми лотосами озерами, целое поле для игры в конное поло и даже мраморные статуи голых дев!

– Впечатляет, – устало пробубнила я, тем самым расстроив подругу. Она явно ожидала более бурной реакции на рассказ об имении Адриана Флорана.

Интересно, как разительно отличались стили жизни двух богатых семей Парижа. Эрик продолжал утопать в скорби и горе, и его внутренний мрак словно просочился жгутиками тьмы на все поместье «Фантом», а Адриан купался в славе и вседозволенности.

Пока я размышляла, Натали приложила ко мне блестящее платье, напоминающее диско-шар. Битый час мы торчали в торговом центре, подбирая наряды на вечернее представление «Призрака Оперы».

Я отпихнула от себя очередное вычурное платье, сев на кресло с высокой спинкой рядом с примерочными.

– Ты не показала эскиз банкетного зала Флорана и не предоставила смету на количество необходимых для украшений «домины» цветов.

Одетая в идеально сидевшее по ее точеной фигуре облегающее платье цвета морской волны, Натали вышла из примерочной и, покрутившись перед зеркалом, уставилась на меня.

– Альма, ты можешь хотя бы немного расслабиться и перестать думать о работе! Ты так себя совсем загонишь! Обещаю, завтра утром я передам тебе все необходимые рисунки, фотки и документы. А сегодня вечером мы наденем красивые платья, будем пить шампанское и смотреть на красивейших людей Парижа.

Пока Натали уговаривала меня перестать портить своей кислой рожей настроение всем вокруг, к нам вернулась девушка-консультант, ловко обойдя манекены и стойку с коктейльными нарядами. Ее зеленые глаза горели предвкушением, ей явно не терпелось узнать, придется ли по вкусу выбранная ею одежда.

Совершенно заурядная незнакомка в белой рубашке держала на сгибе локтя целую стопку платьев из дорогих тканей, которые мне предстояло примерить.

– Не могли бы вы сразу убрать чересчур откровенные модели и все, что блестит? – попросила я девушку.

Консультант расстроено надула губки, но послушно отложила на стойку пару нарядов с открытой спиной, а следом за ними отправились три платья с алмазной вышивкой, ослепительно сверкавшей под светом софитов.

Мой выбор значительно поубавился. Я встала с кресла и направилась к примерочной, по пути забрав у девушки единственное оставшееся в ее руках платье из алого атласа. Его гладкая, холодная поверхность обещала спокойствие и уверенность, которых мне так последнее время не хватало.

Завесив штору, стянула с себя джинсы и блузку с рюшами, быстро облачившись в выбранный наряд. Платье выгодно обтянуло мои изгибы, словно вторая кожа. Оно было простым до гениальности, однако открытые плечи и вырез сбоку придавали ему шарма.

– Аля, ну что ты там, уснула? – послышался нетерпеливый высокий тембр Натали. – Давай показывайся!

Я вздохнула и вышла на небольшой подиум.

Натали взглянула на меня, и ее лицо вытянулось.

– О боже... – прошептала она, пряча рот за ладонями. – То, что нужно. Ты в нем невероятно хороша.

Подруга заставила меня покружиться, чтобы разглядеть со всех сторон. Удрученная мыслями, я следовала ее просьбам на автомате.

– Черт, да что с тобой такое! – вдруг возмутилась Натали. За время моего отсутствия она успела переодеться в свою обычную одежду. Я оступилась о шлейф и едва не грохнулась на пол, так что пришлось признаться, что все утро я прибываю в абстракции после разговора с профессором.

– Вчера вечером я виделась с Дроздовым. Он огласил теорию, что сад Дюбуа не умирает от токсинов или вредителей, а что его угнетает внутренняя боль Эрика.

Подруга закатила глаза.

– Всегда не понимала этого ворчливого деда, – призналась она. – Так что не забивай себе голову. – После приюта мы вместе с Натали поступили в университет естествознания, однако подруга ушла сразу после первого года обучения, сославшись на то, что наука не для нее. Она предпочитала жить здесь и сейчас, а не просиживать штаны на парах ради «бумажки».

– А если он прав...

Убийственный взгляд Натали прожег в моем лбу дыру. Я вернулась назад в примерочную, чтобы снять элегантный наряд, а когда вышла, подруга уже стояла у кассы и расплачивалась за свои покупки.

– Просто пообещай, что сходишь со мной на свидание в этом платье, а после я его с тебя очень медленно сниму. – Слышимый в динамике голос Луки стал хриплым, учащая пульс. После салона, где нам сделали укладку и легкий макияж, мы с Натали вернулись домой.

Примеряя купленное платье под созданный стилистами образ, я вертелась возле настенного зеркала в собственной спальне. Маленькая уютная комната отражала мою суть: с первого взгляда она казалась абсолютно невзрачной, но стоило приглядеться получше, и вуаля! Спинку кровати вместе с гирляндой украшали вьюнки, и во время сна легкие наполнились их чудесным ароматом, а на деревянном столе с ноутбуком хищные растения поджидали своих жертв.

– Ты с ума меня сводишь, Аля! – вновь восхитился Лука, разглядывая отправленное ему фото. Я и сама чувствовала себя неотразимой: мои торчавшие в разные стороны рыжие кудри подняли в высокую прическу, подчеркнув тонкую шею с жемчужным колье, стрелки на глазах придавали хитринки, а алые губы – соблазна.

– Возвращайся скорее, – попросила я парня, предвкушая, как его горячие руки будут путешествовать по моей чувствительной коже. Мы с Лукой так и не перешли грань совместных

ласк, но иногда в ночи я представляла, как он нежно шепчет мне слова любви и покоряет мое тело. – Я уже скучаю...

Хотелось подразнить его, ведь Натали неоднократно упоминала, что мужчины сейчас не ценят «недотрог». Но, к счастью, Лука оказался тем самым вымирающим видом молодых людей, который не торопил наше сближение. Странно ли это? Не знаю...

– Завтра вернусь в Париж. Ты же знаешь, что с Гарри хм... бывают сложности.

Я кивнула, но сообразив, что Лука не способен видеть через телефон, ответила:

– Да, передавай ему привет от меня и Натали... – Мы редко затрагивали тему «болезни» его младшего брата, точнее Лука ее избегал, делясь лишь фактами о том, что Гарри борется с зависимостью, но пока безуспешно.

– Хорошо, – с долей грусти отозвался Лука, и почему-то показалась, что он не станет говорить о нас брату. В трубке послышался скрип шин остановившегося автобуса, на котором Лука ездил к брату.

Я сильнее сжала телефон, и резиновая уточка на чехле жалобно пискнула.

– Тогда увидимся завтра после работы? – Я улыбнулась, стараясь ментально окутать Луку теплом и огородить от излишних переживаний за Гарри.

– Да, я заеду к тебе после смены в ресторане. Целую. – Послышался шелест одежды и переговоры. Лука первый сбросил звонок, а я ненадолго ушла в себя.

– Ну что опять за кислая физиономия? – На пороге комнаты, как статуя самой Афродиты, застыла Натали при полном параде. В отличие от моей собранной укладки, ее светлые волосы стилисты уложили легкой волной до талии, а синие глаза искрились на фоне макияжа с блестками. – Нас такси ждет.

Пришлось выдавить из себя подобие улыбки и, последний раз взглянув на отражение в зеркале, схватить с тумбочки клатч и поспешить за подругой.

Запах оперы Гарнье был густым и сложным, как духи загадочной незнакомки. Он состоял из древесного паркета, позолоты, вобравшей в себя пыль веков, и едва уловимой горьковатой ноты старого алого бархата, обивающего кресла.

Мы с Натали позволили толпе пронести нас по Большой Лестнице, в отполированном мраморе которой отражались наши вытянутые от изумления лица.

Гарнье напоминал музей с сохранившейся в нем далекой историей. Каждый завиток на стенах, каждый позолоченный херувим кричал о прошлом, и в этом наполненном духом старины дворце чудилось, что из-за угла вот-вот появится король или принц и предложит руку и сердце.

Но, увы, сказочные грезы так и не воплотились в реальность. Вместо героя из прошлого, к нам, отделившись от толпы мужчин в дорогих костюмах, двинулась высокая фигура статного красавца с идеально белыми волосами.

Мы с Натали стояли под позолоченным сводом главного фойе, попивая выданное официантом игристое и дожидались первого звонка, оповещающего о скором начале оперы.

– Месье Флоран, – просяив плохо сдерживаемым восторгом, поприветствовала Натали подошедшего к нам мужчину. Подруга премило захлопала длинными ресницами, а мне пришлось поставить бокал на поднос прошедшего мимо официанта и натянуть учтивую маску.

Адриан выглядел неотразимо в классическом черном костюме-тройке, подчеркивающим его мускулистое телосложение, но что-то в нем подсознательно отталкивало, а воображение рисовало на его месте огромного белого питона.

Наиграется с добычей и уйдет.

– Какая неожиданная, но очень приятная встреча, – Адриан говорил с нами обеими, но его хрустальные глаза с легкой, клубившейся возле зрачка алой дымкой пожирали только меня.

Мерзость. – Тоже без ума от оперы? Признаюсь, я частый гость на премьерах. – Флоран сунул руки в карманы брюк, точно пытался что-то скрыть.

– Конечно, мы... – елеино начала Натали, но я пресекла ее порыв любезностей с «питомом».

– Здесь впервые, – договорила я за подругу. Мимо нас прошла пожилая пара, крепко держась за руки, и я неосознанно им позавидовала, мечтая когда-нибудь обрести столь крепкую любовь.

Адриан изучал меня как хищник, бесстыдно цепляясь взглядом за мои веснушчатые плечи, приоткрытые платьем, декольте...

– Мы пришлем вам на электронную почту утвержденный эскиз и смету в пятницу, – попыталась я предположить причину, которая заставила бы Флорана бросить друзей в разгар светской беседы и разглагольствовать с нами о пустяках, но Адриан лишь отмахнулся.

– Вы всегда такая деловая, Альма? – уголки губ Флорана изогнулись в подобие улыбки, но его взгляд продолжал обжигать.

– Только по средам, – пошутила я, страсть отделаться от его внимания и разрядить обстановку.

Натали фыркнула, подавив смех игристым.

– Остроумно, – прищурившись, подытожил Адриан и сделал шаг ближе. Запах его одеколона, холодный, как горный воздух, перебил густой оперный аромат. – Впрочем, Эрика всегда интриговали непростые девушки.

От неожиданного умозаключения Флорана, я поперхнулась слюной.

– Простите, но причем здесь месье Дюбуа? – прокашлявшись, уточнила я. Рядом со мной насторожилась Натали, не ожидая, что наш разговор повернет на зыбкую тропу.

Леденящий кровь смех Адриана вонзился под кожу сотнями игл. До сегодняшнего дня я никогда его не слышала. Меня точно опрокинуло в прошлое, в ночь гибели родителей Эрика. Убийц было двое! Но через щелку в шкафу, я видела только одного, чье лицо навсегда перевернуло мой мир. Но этот смех, он так сильно походил на черствый, скрипучий голос пред роковым выстрелом и последующим взрывом, что меня замутило.

– Эй, Аля, с тобой все хорошо? – Моего плеча коснулась теплая ладонь Натали, и я замотала головой прогоняя поволоку.

– Да, все в норме. Тут душно... – прерывая мои выдуманные причины резко изменившегося самочувствия спасительно раздался звонок, приглашая всех посетителей оперы проследовать в зал и занять свои места.

Адриан вежливо поблагодарил нас за разговор, но от меня не ускользнули нотки фальши в его мелодичном тембре, и удалился к компании друзей.

Пока я глубоко дышала, растирая грудь, Натали вернула бокал официанту и подхватила меня под локоть, потащив в ринувшуюся к главным дверям толпу.

Неприятная встреча с Адрианом Флораном не стала венцом сегодняшних неудач. Наши места оказались в середине второго ряда, и мне приходилось аккуратно придерживать юбку, пробираясь в тесном проходе между кресел.

Едва мы добрались до нужных номеров, как с моих губ камнем сорвался разочарованный вдох. Прямо передо мной сидела высокая холеная брюнетка в изящном серебристом платье. Прикинув, что со своим невысоким ростом все представление мне придется созерцать лишь ее шикарную прическу, я обернулась к Натали, чтобы попросить подругу поменяться со мной местами.

Натали, вертя головой, увлеченно любовалась куполообразным потолком с фресками над сценой, а потом ее взгляд скользнул к другой точке в зрительном зале. К той самой, где у вип-ложи, небрежно облокотившись на позолоченную решетку, стоял Адриан.

Умела же подруга быстро переключаться между мужчинами! Если бы мое сердце так безжалостно разбили, я бы годами в обнимку с мороженым страдала под сериалы.

Пришлось дернуть ее за руку, чтобы привлечь внимание. Молча указав подбородком на особу в первом ряду, я дожидалась решения подруги.

Натали, в отличие от меня, могла похвастаться не только модельной внешностью, но и подходящим под эту профессию ростом, так что без лишних уговоров согласилась. Пока мы с ней, вызывая недовольное покашливание соседей, менялись местами, я почувствовала спиной, скользящий по лопаткам взгляд незнакомки и обернулась.

– Девушки, не утруждайтесь, – сладко пропела она и брезгливо сморщила идеально ровный носик. – Вот-вот приедет мой кавалер. За его широкой спиной вы все равно ничего не увидите. Жаль, что у вас не нашлось средств на места в первом ряду.

Натали фыркнула за нас обеих, но парировать роковую брюнетку не успела. В этот момент по лестнице спустился мужчина. Казалось, зал затаил дыхание, когда его высокая фигура, облаченная во все черное, появилась в проходе. На него глазели одновременно со страхом и восхищением, поражаясь его безразличию к шрамам, которые Дюбуа гордо демонстрировал.

– Эрик! – воскликнула незнакомка, кокетливо помахав ему пальчиками.

Мне вдруг захотелось бежать из Гарнье, лишь бы не становиться свидетельницей воркования этих двух голубков.

Дюбуа, не обращая внимание на перешептывание собравшихся, быстро прошел к своей спутнице и лишь затем поднял глаза на меня. Я уже сидела на новом месте и внутренне сжималась. Мои обязанности флориста в поместье «Фантом» не были официально закреплены, так что я могла без зазрения совести променять их на вечер с подругой. И все же присутствие Эрика заставило меня нервничать.

– Мадемуазель Белроуз и мадемуазель... – с холодной вежливостью начал Дюбуа, запнувшись на фамилии моей подруги.

– Мальт, – смущенно подсказала Натали и несвойственно для нее побледнела.

Темные глаза Эрика стали непроглядно черными, будто все тени Гарнье разом скользнули в них.

Я заерзала на месте, поправляя обрамляющие лицо локоны, чтобы скрыть немного оттопыренные уши.

– Не ожидал увидеть вас здесь.

Его спутница тут же надула губки, явно недовольная тем, что внимание кавалера переключилось на нас.

– Эрик, мы пропускаем увертюру! – Красотка несдержанно потянула его за рукав пиджака, но Дюбуа не шелохнулся, ожидая от меня извинений? Объяснений? Проявления ревности? Ну, того, что роилось в его голове.

– Мы вас тоже. – Я удивилась собственному выпадку, но вида не подала. Разве не он говорил, что никого не любит, тогда зачем приводить «девушку на одну ночь» в знаменитую оперу, где вас непременно заметят и станут обсуждать?

Дюбуа хищно ухмыльнулся, и точно прочитав мои мысли, внезапно предложил:

– Давайте поменяемся местами, а то вы за нами ничего не увидите. – Мои глаза расширились от услышанного, а незнакомка недовольно скривилась.

– Но Эрик, первый ряд и балкон привилегия для элиты... – Брюнетка не договорила, столкнувшись с застывшим на лице Дюбуа непреклонным выражением.

– Августа, я не стану повторять дважды! – Меня передернуло от стали, прозвеневшей в голосе Эрика. Со мной Дюбуа не позволял подобного пренебрежительного тона.

Не став испытывать шаткое терпение Эрика, мы послушно поменялись местами, и теперь он мог беспрепятственно разглядывать меня сзади.

Отвлекая от покалывания на затылке, возникшего от чужого внимания, красные шторы разъехались. Зал заполнил предвкушающий начало оперы гул и на сцену вступили разодетые артисты.

Глава 8

Призрак

Минутная слабость

Представление было оглушительным в прямом и переносном смысле. Голос Призрака, усиленный современной акустикой, проникал прямо в кости – низкий, бархатный, полный такой нечеловеческой тоски и боли, от чего по коже бегали мурашки.

Однако я почти не смотрел на сцену. Меня куда больше увлекала Альма, а точнее ее живая реакция на происходящее. Она то замирала, прижимая ладони к груди, то порывисто наклонялась к подруге, чтобы прошептать какое-то замечание, словно проживала каждую ноту и каждое действие вместе с актерами и певцами.

Когда она поворачивалась ко мне полубоком, я мог открыто любоваться ею. Не знаю, чувствовала ли Альма тяжесть моего взгляда, но иногда она украдкой ответно поглядывала на меня, полагая, что я поглощен спектаклем.

Августа сжимала мою руку, а я терялся в мыслях о другой. Внутренне ругая себя за ту глупую мальчишескую браваду, с которой когда-то обзывал девушку, вселяя комплексы. Альма выглядела восхитительно в облегающем ее тело алом платье. Оно дразнящее приоткрывало ее одну ногу и подчеркивало упругую грудь.

Прилив крови к паху вызывал дискомфорт, каждый раз, когда я допускал неуместную мысль о мягкости ее бедер под пальцами и не только...

Альма Белроуз должна была стать ключом к разгадке гибели моих родителей, которую она так тщательно скрывала, спасти сад моей матери, но с каждой нашей встречей все глубже проникала в поры, заполняя их собой.

Неожиданно она встала и, пригнувшись насколько могла, чтобы не мешать другим наслаждаться оперой, ринулась в сторону лестницы.

Возможно, Белроуз отправилась в дамскую комнату или за напитком, но непосильное влечение к ней заставило меня извиниться перед напряженной Августой и последовать за уходящей из зала девушкой.

Я специально держался позади, чтобы Альма не подумала, что я ее преследую. Да я и сам не понимал, какого черта мне не сиделось со своей спутницей. Августа была здесь, чтобы отводить глаза. Последнее время общество все чаще судачило о моем черстве сердце, так как я в свои двадцать пять ни с кем не встречался. Что ж, вот вам девушка!

Покидая зал, обратил внимание, что с балкона за нами чересчур внимательно наблюдал Адриан в компании обворожительной блондинки. Я приветливо махнул другу и, чтобы не потерять Белроуз из вида, вышел из зала.

Альма остановилась у массивной колонны, залитая золотистым светом от бра. Она дышала часто и прерывисто, словно убежала не просто от представления, а от собственных мыслей. Ее пальцы сжимали складки платья, выдавая внутреннее смятение девушки.

Мне не хотелось ее напугать, и поэтому я сделал шаг из тени, кашлянув.

Белроуз порывисто повернулась, алая ткань обвилась вокруг ее лодыжек, как языки пламени.

– Эрик? – изумилась она и тут же перестала мять платье.

– Решила проветриться? Или скучная опера не отвечает вкусу любительницы хоррора? Смешок царапнул горло, но я решил сохранить серьезность.

– Опера великолепно. Я... В общем, профессор Дроздов выдвинул одну занимательную теорию по поводу сада твоей матери, а «Призрак Оперы», он так сказать, немного олицетворяет его предположение... – Альма говорила загадками, так что пришлось уточнить:

– Не поделишься? Помнится, ты обещала сообщить, если что-то узнаешь... – Я приблизился достаточно, чтобы различить золотые искорки в ее зрачках.

Аля отрицательно качнула головой, обдав меня запахом цветочных духов. Потом поджала губы, раздумывая, а когда посмотрела на меня, в ее взгляде отразилось неуверенность.

– Боюсь, ты пока не готов принять данную теорию. Она звучит слегка нелепо... Мне нужно кое-что проверить.

Альма явно давала понять, что данная тема закрыта, и я не стал настаивать на продолжении разговора. Я нависал над ней, как скала над нежным цветком, которому не посчастливилось прорасти на одиноких камнях, чувствовал тепло ее тела, вдыхал ее аромат.

Лицо Али украсил розовый румянец, подсветив ее веснушки-звездочки.

– Ты такая красивая, – я проронил признание шепотом, неуверенный, что вообще высказал комплимент вслух. Однако этого было достаточно, чтобы Белроуз вздрогнула, как от пронзившего пространство грома.

Ярко-зеленые глаза метнулись к моему лицу, точно Альма искала в моей мимике подтверждение, что не ослышалась. Не ведая, что творит, она нервно облизала губы. Это было неосознанное, инстинктивное движение, которое свело мое существо в одну точку – точку невозможного, неотвратимого притяжения.

Рука сама потянулась к щеке Белроуз. Я медлил, давая ей время отпрянуть, ведь уже несколько раз переходил грань дозволенного, идя на поводу желаний коснуться бархата девичей кожи. Однако Альма не отстранилась, будто сама желала нашего телесного контакта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.